

СМЕНА

14
1958

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Рисунок В. Орлова.

МАТРОССКАЯ ЛИРИЧЕСКАЯ

Слова Вадима СЕМЕРНИНА,

Музыка Вадима СЕРЕЖНИКОВА.

Гитара ласково звенит
В руках у моряка,
Никто матроса не винит,
Что он взгрустнул слегка.
С рассветом наш корабль опять
Ушел в морской простор.
И собрались мы помечтать
Под струнный перебор.

Играет тихо гитарист,
Звуки вдали плынут.
Нопробуй в струнах разберись,
О чём они поют.
Них и волны певучий плеск,
Медленный прибой,
Юбимых глаз горячий блеск,
Голос дорогой.

Итара ласково звенит
в руках у моряка,
Никто матрос не винит,
что он взгрустнул слегка.
Не видно за бортом огней,—
Широк морской простор.
И вспоминаю я о ней
Под струнный перебор.

Представки всех стран, соединяйтесь!

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ
Июль, № 14. 1958 год.

Год
издани
35-й

GMEHA

(2 раза)

Зорко охраняют мирный труд советских людей на рубежах нашей Родины военные моряки и летчики. В эти дни широко празднуют советский праздник — День Военно-Морского Флота ССРС. День Военно-Воздушного Флота ССРС, а также День Военно-Морской Пехоты, не далеких морских рубежей, идея одна, полная труда и напряжения, жизни.

Вспоминают Ленинского комсомола — молодые летчики и моряки — под руководством командиров приумножают славные традиции отцов, совершенствуют свою боевую выучку и мастерство.

XIII съезд ВЛКСМ призвал советскую молодёжь и впредь всемерно укреплять взаимные связи с флотом и военно-воздушной, пограничной и комсомольским организациям, воспитывать стойких защитников Родины. Комсомольцы — летчики и моряки — люди честных и смелых сердец — отвечают на решения съезда новыми успехами в боевой и политической подготовке.

Фотоаппарат «О» дружба большая, о службе морской... в см. на стр. 4 и 5.

Ночной сигнал

Юрий ЧЕРНОВ,
капитан 3-го ранга

Рассказ

Корабли второй Балтийской дивизии стояли на Большом рейде. С левого борта утопал в зелени ораниенбаумский берег. В эркерах трубы, ходы были заняты драматическое призывистое здание дворца князя Меньшикова и первые желтые березки, опаленные ранним заморозком.

Осень выдалась на редкость теплая. Второй день стояла штиль, и лишь легкая съба — отголосок да-

ре его называли «щеголем» за то, что еще при постройке кораблестроительный комитет предписал:

В конце строя находился новый 44-пушечный фрегат «Паллада», мало чем уступавший по своим размерам 74-пушечным линейным кораблям. Хоть стоя он посреди рейда, но даже винтовый вид не могли говорить, что этот корабль имел образцового командира и хорошо обученный экипаж. На эскадре его называли «щеголем» за то,

что Отшвырнув бумаги, он поднялся из-за маленького письменного стола, привинченного к палубе. Грузный, высокий, разогнувшись, прошел по каюте. Стоячий воротник мундира под引爆 старческую шеку. Остановившись у потускневшего зеркала, он вдруг припомнил, что купил его тринацать лет назад в австралийском порту Дарвин, когда ходил к Южному полюсу, и снял с него часть света. С тех пор зеркало неизменно путешествовало с адмиралом. Рама легкая, с разными птицами и животными, только у

Не дочтай, тоже шварну. — Собачий нос у этих приступов. Иззвали, что морской министр иззвали желание назначить в Севастополь офицера из моей дивизии, теперь каждый день досаждают просьбами. А должность большая — командовать не какой-нибудь шхуной, а восемидесятичетырехпушечным кораблем! Один хлопочек за племянника, и я вижу, как вспыхнут новые устремления, как вспыхнут другие — да и двоюродного брата лягу потому, что он приходится дальним родственником супруга адмирала.

Лекого шторма — слегка раскачивала корабли. На флагмане, высокобортном 110-пушечном линейном корабле «Император Александр I», где держал свой флаг адмирал, беззинзенно поникли винты, и корабль, как вспаханная Синяя на солнце склонилась, мытая и перенятая несвойской водой палуба. Медные корабельные по ручки, рында, круглая решетка над застекленным люком, кают-кампании соревновались в блеске с куполом Исаакия, поднявшегося в лесах над редкими домиками галерной гавани.

На «Палладе» уже несколько суток готовились к смотру перед походом. Матросы вились, ног от усталости, а большинство флагманского корабля Ерофеевы, или «Репей», как называли его заглава, ходили с охрипшей от ругани глоткой и больше, чем обычно, своим пудовыми кулачницами щипали зубы провинившимся. Ждали высокое начальство из главного штаба.

«Государю императору угодно, чтобы фрегат «Паллада» отдан был с особым тщанием, а посему все работы выполнить из лучшего леса и незамедлительно». Строителям и первым командиром фрегата было дано право выбрать капитан-лейтенанта Нахимова, успевший на корабле «Азов» отличиться в Наваринском бою с турками.

И на «Палладе» готовились к смотру, а еще больше к предстоящему походу. Время было неспокойное: на Аланских островах все чаще стали появляться иноземные работорговцы, занесенные сибирской волгой; болели будущие Кронштадт задерзали лодочники, собиравшими сведения о русских укреплениях; иностранные газеты крикливо писали о строительстве Российской на Алане сильной крепости и о стягивании войск для десанта на шведские берега...

Командующий дивизией адмирал Беллинсгаузен был не в духе.

одного зверя, который таскает своих детенышней в сумме на брюхе, отбита голова: след турецкой птицы, памятная отметина из-под Варны, куда Беллинсгаузен ходил брать крепость у турок со своими моряками-гвардейцами.

Адмирал вернулся к столу, поднял его: «Темните, пока проптствовала видеть, скота далеко находиться от берега. Для спасения брига велел я срубить мачты, дрейфовать не перестало. Сиреневые волны вздыхали подобно горам и с седью пеной переливались через судно...»

— Новый Марининский нашелся: «с седью пенено!» Перекинет щарфик. Вышел на камни у самого зеркала: усталое лицо... мешки под глазами... пищущие баки начали седеть... «Простите, я тут еще этот смотрю... Поневаде всине с золотым штыем, в морском деле ни бельмеса не разумеют, а туда же — учить начнут... Нет, в отставку пора, на покой...»

Бросил рапорт, взял другую бумагу: «Осыпалась покорнейше просить ваше превосходительство... Четыре года ходил со мной и показал стменные успехи в учении...»

третий добивается назначения на Черное море, чтобы большой пенсии получить. Не о позе флота думают — о своей карьере. Во фронт-то каждый хороши, а ты поплавай, поплавай! Тот паркетный щарфик эстровую службу бригом по протекам попал, а дурак дураком у самго Кронштадта вышел из камни.

Беллинсгаузен раскачивая тутой воротник мундира, подошел к зеркалу: усталое лицо... мешки под глазами... пищущие баки начали седеть... «Простите, я тут еще этот смотрю... Поневаде всине с золотым штыем, в морском деле ни бельмеса не разумеют, а туда же — учить начнут... Нет, в отставку пора, на покой...»

За толстым зеркальным стеклом окна кабинета словно разморенная полуденным зноем ленивница ширь Невы, гранитные бастионы

Петропавловской крепости, взметнувшись в небо позолоченный шпиль. Все безмолвно, мертвото. Но так только кажется. Если присмотреться внимательней, заметишь водовороты на глади реки, часовых в крепости, укрывшихся от солнца в полосатых будаках... Обманчив покой летнего днема...

В кабинете барона Трегера, дальней родственника египетского шефа ханжеров, к седовласый похожий господин. Барон во фланкском мундире с золотым шнурком адъютантского экипажа на правом плече. Он неторопливо ходит от окна к дивану. Равномерно выстукивает машины часов. В кабинете тишина, даже звуки шагов тонут в персидском ковре.

Голос гостья звучит ровно, хотя говорят он не совсем обычные вещи:

— Через неделю балтийская эскадра выходит в море. А в Финском заливе есть весьма много подводных камней...

Трегер остановился у окна, забаранил пальцами по подоконнику.

— Да поймите, барон,— повсия голос гостья.— Вам нечего опасаться. Малайзия неточность штурмана — и части балтийских кораблей как бы бывала.

— Нет, поймите. То, что вы предлагаете, невозможно.

Человек поднялся с дивана.

— Барон Трегер, я вам ничего не предлагаю. Я буду с вами еще откровеннее. Только спешите не видать, что мы накануне новой кровопролитной войны. Не дейтесь большими глазами, мы с вами не

делимся, видимо, тоже волновались. В это время стал заметен легкий звук.

— Почти полгода стоят на Босфоре двадцать два выпнутых русской Черноморской эскадры, из которой добрая половина линейных корабли и новые фрегаты. Пятьдесят тысяч отборных российских войск экспедиционного

корпуса разбили лагерь в Буюндаре, всего в нескольких десятках миль от Стамбула. Русские офицеры вместе с турками укрепляют Дарданеллы... Да, да. Все это делается, чтобы помочь султану разбить войска своего восставшего вассала, полчища которого вторглись на юг Турции. Вы думаете, спасайтесь? Пересекли флот вышел из турецких берегов уже на следующий день после просьбы султана оказать ему помощь?

Альянс России с Турцией вовсе не устраивает западные державы. Наши дипломаты заявили решительный протест, угрожая ввести свои корабли в проливы. Но русское правительство ответило, что будет рассматривать этот

шаг как объявление войны России. Сейчас стало известно, что султан склонен подписать договор с русскими, по которому проливы будут открыты для России и закрыты для их противников. Мы должны помешать этому. Надо ослабить силу русских в сюда, в первую очередь в Европе — на Босфор и море.

Гость снова опустился на диван. Тонкими надущенным платком коснулся лба. Сказал другим тоном:

— Мне хороши известны ваши честолобьевые планы. Беллинсгаузен скоенравен и управ, но и к нему мы подберем ключи. Хотите вы командовать «Симпсоном»! Добейтесь, чтобы в походе голов-

нам шел из «Великого князя Михаила», а корабль капитана 1-го ранга Севрюкова «Архис». Тогда выше назначение обеспечено. Слово джентльмена.

Барон Тререг, не обновивши, смотрел на широкую гладь Невы.

Третью морскую корабли второй флотской дивизии были в море. К вечеру в мглистой дымке открылся остров Даго. Среди соснов на холме хорошо было видно древнюю приземистую мачтовую башню из плитняка. Когда-то на ней жили дрова, чтобы предсторечье мореплавателей от камней близ острова. Несколько лет назад флотский офицер Николай Бестужев, будучи тогда капитаном, привез сюда из Сантосской лощади баскии громко прознозити, в маином деле ввел носовщика. Он заменил колпактию масличной лампу, и дальность видимости огни сразу увеличилась.

Ветер находил с юга. Тяжелые зеленые волны катились за кораблями эскадры и, дотянувшись до берега, разбивались. Впереди фрегат «Паллада», всего год назад построенный на Охтенской верфи, неся все паруса, легко распластывал острый штевень в балтийскую волну.

Начинало уже смеркаться, когда на грот-стеньге адмиральского корабля взметнулись разноцветные полотнища.

— Господин капитан, сигнал нумер «всем шестьдесят шесть», доложил штурманский ученик, впервые попавший в плавание.

— Ну-ка, братец, посмотря по сигнальной книге, что значит сий сигнал?

Молодой матрос быстро листает послужную книгу в кожаном переплете.

— Господин капитан, адмирал приказывает повернуть через фронтовик последовательно, начиная поворот с передовых кораблей.

Командир фрегата одобрительно кивает головой. Зоркие глаза его осматривают небо: как быстро горизонт затягивается тучами! Нельзя такими потому ждти у фронтовика швера.

Эскадра залаяла курс на Гангзунду. Когда в сумерках растянули сигнальные передних кораблей, на флагмане вспыхнул испепеляющicalый фальшивфер. Вспышка эта обозначала, что вскоре будет передана ночной сигнал.

— Бызы, на гитты, поднять ответные фонари! — раздалась команда.

Затоптали ноги по палубе.

Фонари подняты!

А впереди из стущившейся тьмы возникли вспышки с разными интервалами. «Спустить никоние прынги, приготовиться к скваку!»

— Эх ненадол — скваку! — ворчит вспомогательный. Хедьмо, подойди к рулему! — Я думаю, какой другой сигнал будет?

А ты, боямчики, больше пытайся трясти четвертый увеселительный увеселительный — весело спрашивает командир.

Моряки смеются, склонят щербатые зубы и сашькоющим. Видимо, всем здесь хорошо знаюм этот сигнал, только один штурманский

ученик недосуменно посмотрывает на скружающие и укоряди завидует в сигнальную книгу. Наконец и на его покудащем за переход лицо появляется улыбка. В книге сказано: «Сигнал 534. Дать нижним чинам по чарке водки не в запечь».

Ветер все усиливается. Порывы его крепко фронтовик левому борту врывают с сетками, куда после падения матросы складывают свои койки, бежит вспененная жаждая вода. Однако большинство моряков на «Палладе» относится склонкой к усиливанию ветра.

— Огонь! По корне огны! — раздается звонкий голос штурманского ученика.

Командир фрегата откладывает сигнал горизонт «одна» за метко теплится светлая точка.

Это Дагерорт, — говорит он, — сейчас мы спределим свое место.

Нанесся на карту место фрегата, Нахимов отбросил карандаши. Хотя линии пеленов скользили к Дагерорту под острым углом, что горюило о небольшой точности определения, было совершенно ясно: точка поворота головынными кораблями на новый курс уже приойдена. Впереди, неизвестно в южном море, лежало узкая и длинная островная тупица. Справа и слева там были камни, скалистые острова. Любой залорот, а этом месте грозит гибелью большей части кораблей.

Почему-то вспомнился: историю в кадетском корпусе преподавали тощий француз-эмigrант; чаще всего он говорил о свободности, но всегда вспоминался старшим, и в нем слушали его величественность. Отчаянно картива, француз частенько приподнял один и тот же исторический пример: «Английский адмирал Матлью во время Тулонского сражения, желая прозвать усердие, нынешни ученик! — вышел из строя. За это был предан суду со слушанием и выговором. А адмирал Бинг за нарушение инструкции был даже расстрелян».

Но то было в Британском флоте. Пусть эскадра ведет прославленный адмирал, командир фрегата все-таки передаст на флагманские корабли: «Флот идет к опасности».

Наконец вышел из рубки. Порывистый ветер на корабль фронтовик с коротким козырьком, остановился, заставляя призадуматься: «Передать такой сигнал не трудно, а если ошибки в определении места?.. Наде еще раз проверить проходку! Капитан-лейтенант неслыханно в эту сторону, где нескользко минут назад телепись светящимися звездами, вспыхнул в темноте столб густой мгла... Перед его глазами встало путевая картка: почти с юга на север вытянулась линия русских кораблей. Концевая «Паллада» блоко ввех к Дагерорту, поэтому ей и удалось определить свое место, а на головном корабле, налеворев, не учи попутного ветра и считают себя элитными юнами».

Наконец вдруг пропускался в морском корпусе, когда летом шлюпки с кадетами при свежем ветре выходили на залы. Проподнимет волна лягушка суденышко на высокий гребень, на какую-то долю секунды задержит над зыбкой равниной, а потом бросает вниз —

Фото В. Федосова.

флота — Северный — несет боевую вахту, надменно защищая синие рубины Северного моря. Заполярия. Будни североморца — это постоянная боевой учебы и тренировки.

Экипажи кораблей Северного флота поддерживают постоянную дружескую связь с коллегами из фабрик заводов и колхозов и совхозов.

Накануне корабль-подводник «Северный» впервые впервые в Москве, в гостях у комсомольцев технического комбината им. Шевченко. Они рассказали своим друзьям о службе морской — о поиске суховью Баренцевом море.

Гости теперь уже дома, на плечах родинки юных. Они с гордостью показали за совершенствование своего боевого мастерства, чтобы достичь новых высот флота новыми успехами.

Частичное плавания вам, друзья-моряки!

В цехах комбината североморцев встречали как родных.

летиши, и на сердце весело и жутко.

Такое же состояние было у него во время штурмового перехода из Сихти в порт Святого Франциска, когда в море сорвалася канони. Давид Егоров, а он, тогда еще мичман, первым бросился в шлюпку.

То же испытывал в Наваринском бое. Линейный корабль «Азов», на котором он служил, был тогда еще командир батареи, вел бой с тремя турецкими кораблями. От биззого взрыва вздрогнул корабль. Обливаясь кровью, упал на палубу два сраженных канонира, угрожающие закачивались над головами артиллеристов готовая рука — огромная фок-мачта, горела палуба близ сложенного боезапа-

са... Огонь с носовых батарей ослаб, а ободренные вспомогательные насыпалась Ядра, посыпали, канониры со страхом поглядывали на верх. И тогда в дым, под напаклившуюся манту с обрывками парусов и снастей бросился командир батареи: «Братцы, матроны! — крикнул он. — Туши пожар! Добейм вращением фрегатом!» Но что тут спряталось фрегатом-мачта вытолкнула из огня с «Азова» в этом бою было уничтожено лишь пять языческих кораблей.

Снова на память пришли незадачливые английские адмиралы... «А в русском флоте порядок разве многим лучше?»

— К черту Матюса и Бинга! — Что прикажете, господин капитан?

Лучшая ткачиха Анна Шибанова рассказала гостям о своей работе.

И снова в походе. Гидроакустики комсомольцы В. Радченко и В. Бисаевы на вахте.

И снова на родной корабль.

Боевая техника работает безотказно. Старшина второй статьи В. Бирюков проверил торпедные аппараты после стрельбы. Можно заряжать снова!

питат! — выросла из темноты фигура вахтенного лейтенанта.

Покрепче натянув фурзажку, Нахимов приказал:

— Сигнал номер сто!

И опять над мостиком разлетелись ослепительные искры, предупреждая корабли о ночном сигнале.

Тоннителной казалась каждая секунда. Русская баллада затянулась в горле Финского залива. Еости ты мыть кониевые, попробуй разверк, как близко подошли передние корабли к щекам.

Вот наконец и последний фальшивейер. А на флагмане вместо спуска ответного фонаря яркая вспышка: «Не поняли сигнал?

— Разрешите повторить сигнал?

— Как же, не поняли они! —

раздражение говорит командир фрегата — Перепуганы. Не знают, как о таком доложить адмиралу. Не повторять сигнала. Вахтенный лейтенант, два пушечных выстрела и фальшивейер!

Растерявшийся от неожиданности лейтенант прыгнул к палубе: — Сигнал номер сто — при живом адмирале дать самостоительно кораблю сигнал, говорящий о близкой опасности и необходимости немедленно повернуть!

— Живо! — звучит повелительный голос коммандира.

Удивленное выражение на лице лейтенанта сменяется восхищением.

Взметнувшееся над бортом пла ма осветило кипящую воду. Глухо ударили пушечные раскаты.

— К повороту! Повторите свертаг.

Когда фрегат, сильно накренившись, изменил курс, капитан-лейтенант в своем обличием увидел, как послышались покорочками и к юту корабли эскадры.

Хицкий осенний рассвет поднялся над Балтикой. Командир «Паллады» с мостика осматривал потерявшую строй эскадру. Корабли лежали в дрейфе, а на севере в дымке вставали из воды скользкие утесы. Капитан-лейтенант с волнением считает корабли. Хотя и разбросало их, но все 18 целы. Не ошибся ли он сам этим ночью?

И вдруг с флагмана, рассенная все сомнения молодого моряка, сигнал: «Командующему фрегата-

том «Паллада». Адмирал изъявляет свое особое удовлетворение. «Нет, не ошибся. Ты действительно заслужил головной корабль «Арктика», не успев вовремя отвернуть, попав на камни. Ликует молодой офицер, не подозревая, каких врагов приобрел он за эти сутки. Не знает он и того, что в эту помурную тревожную ночь адмирал Беллингсгаузен, на конец окончательно решил, кого из офицеров будет рекомендовать на новый 84-пушечный корабль «Сибиряка».

Скоро для капитан-лейтенанта Нахимова наступят большие перемены. Их первым этапом станет Черное море и новые товарищи. Большому кораблю — большое плавание!

КРЫЛЬЯ

Ал. ГЕРАСИМОВ

До недавнего времени я не был лично знаком с звездным летчиком Степаном Георгиевичем Петуховым, а только слышал о нем, знал, как он летает, не раз читал приказы, в которых ему объявлялась благодарность за храбрость и отвагу, проявленные во время испытательных полетов.

По поводу последнего случая с машиной, которую испытывал Степан Георгиевич, еще не было приказа. Мне только рассказывали об этом товарищи, добавляя, что за такой подвиг испытатель Петухов заслуживает звания Героя. И я твердо решил написать о нем.

Вот уже в который раз встречались со Степаном Георгиевичем, а моем блокноте появилось всего несколько строчек. При первой встрече я узнал лишь то, что он летает более двадцати лет и награжден пятью орденами за испытательную работу. Еще меньше рассказал Петухов о последнем случае, с которого, собственно, началась наша беседа.

— Да что там говорить. Ну, оказывается у меня машина, спаслирована. Нам, летчикам, всегда надо быть готовыми к неожиданным стычкам. Ты то мы и испытатели... Сказал, улыбнувшись, а его синие мальчишеские глаза стали вдруг строгими и задумчивыми.

Я спросил Степана Георгиевича, что он напрасно старается скрыть от меня трудности, связанные с его опасной профессией, но я сам всю войну был борттехником и знаком с испытательной работой.

— Ну тогда вы хорошо знаете, как все это происходит,—обрадовался Степан Георгиевич, надеясь избавиться от расспросов.

Но я все же кое-что узнала об этом неразговоримом человеке. Вырос он в большой и бедной семье под Можайском, был у матери однадцатым. Рано засородилось у любознательного парнишки желание стать летчиком.

ОДНАЖДЫ УТРОМ...

В бездонном ассиене неба нет крохотных склонов и холмов, как птичьи гнезда. Он то мгновенно поднимается по крутым вертикалям, так медленно, что с земли кажется, машина висит в воздухе, то вдруг устремляется в пики и резко выходит из него, чтобы опять начать подъем.

«Хорошо, должны быть, ему там: весь мир видят»,—подумала о летчике Степан Петухов, круто вскинув голову и споткнувшись босыми ногами о только что вывернутую крыльевину. В конфузе разброзданы он остановился усталого, тяжело поводившим запавшими боками коня и, уже не отрываясь, следил за полетом.

А летчик снова и снова поднимал и бросал машину то в стесное пике, то в кругой штопор. Крепко сжиснув ручки плуга, Степан никак не мог оторвать взгляда от самолета. Вот он снова взмыл вверх, но этот раз донес до него звук, совсем раз дающийся, поднявшись под мальчишеским обликом. Но что этот. За машиной вдруг потянулся дымчатый след. Он все сущасился и плотнея. И опять летчик начал бросать машину в замысловатые виражи. Но в них уже не было прежней неторопливой уверенности, а чувствовалась какая-то тревожная порывистость: как будто

«ХОРОШО ИМЕТЬ КРЫЛЬЯ»

Уже более четырех века прошло с тех пор, как Степан Георгиевич все отчально помнит. Ведомо им в тот весенний день и зародилась его самая заветная мечта: обрести крылья. Но пока он живоносно ширит себе за широтами крылатой машины. Что он только не выделялся в небе на виду у всей планеты! Как буйно колотилось его сердце в такие минуты!

Спустя несколко лет, когда он побывал в Москве на комсомольском съезде, неожиданно приблизилось исполнение его мечты. Прямо со съезда с путевкой из комсомольского поезда Степан в ФЗУ летчиком-испытателем. Стартовый и упорный, он скоро освоился с профессией сибиряк-инструктор-маневрика, а по вечерам, наскоро умывшись, спешил в аэроклуб, где учился летать сначала

на планере, а затем на спортивных самолетах.

Инструктором издавался этот крепкий летчик с угловатой панцирью с синими глазами и «курсантиком» пучком лысих волос. Он быстрее других овладевал летным делом и через год сам стал инструктором. В 1938 году его призвали в армию. В военной авиации он командовал звено, летал на знаменных в то время «ишиках» и «чайках».

Боевой летчик никогда не думал, что со временем станет испытателем. Он любил рисовать, рисовать крылатые машины. Что он только не выделялся в небе на виду у всей планеты! Как буйно колотилось его сердце в такие минуты!

Однажды после тренировочного полета его вызвали в штаб части и армии направление на авиационный завод. Так началась его новая жизнь, жизнь летчик-испытателя, полная мужества и риска, смелости и всяких невозможностей.

ДНИ И НОЧИ

Третий год шла Великая Отечественная война. Все больше и больше машин требовалось фронту. Ни минуту не умолкали цехи завода. По две смены трудились рабочие: прикованы к цеху час — другой и снова за дело.

В эти суровые, волчьи трудовые напряжения драма Степана Георгиевича уже пятый год испытывавший испытатель на заводе, летал с утра и до позднего вечера, проверяя боевые качества новых машин. До ста фигур высшего пилотажа приходилось тогда выдерживать в день. То была невероятная нагрузка даже для такого Богатыря, как Петухов. Он, попросту говоря, жил тогда в небе, а на землю возвращался лишь затем, чтобы пересесть на другой испытатель.

Не раз ему доводилось встречаться на залоге своих однополчан, которые приезжали за новыми машинами. С тайной завистью смотрел на них летчик-испытатель. Сколько раз приходилось ему бороться с неумолимым стремлением вместе с товарищами лететь туда, где в жарких схватках решалась судьба Родинской Красной Армии. И он вспоминался в такие минуты Степан Георгиевичу его «тыльовая» работа. Он пробовал добиться назначения в действующую армию, но с ним никто не хотел разговаривать на эту тему.

— Ты коммунист и обязан выполнить свой долг там, где тебе положено,—говорили ему в партике.

И он садился в очередную машину.

СМЕЛОСТЬ, РЕШИТЕЛЬНОСТЬ, МАСТЕРСТВО

Каждим мужеством и мастерством нужно обладать, чтобы сбыть в воздушном бою вражескую машину! Но не меньше са-мобладания и умения требуется, чтобы спастись самолет с заглохшим мотором или потерпевший управление во время испытаний. Если собрать вместе все машины, которые спас Степан Георгиевич за два десятилетия, то получилась бы целая эскадрилья. Ведь до того как самолет вйдет

в производство, летчиками-испытателями не раз приходится, рискуя жизнью, проверять правильность конструкторских расчетов. И чем смелее мысль инженера, тем опаснее полет. В аэропорту, как правило, всегда присутствует погоня за временем. К тяжелым последствиям приводят иногда и «невидимые» на первый взгляд производственные небрежности. Казалось, не было ничего особенного в том, что маленький шланг на валике сектора газа развалил кое-как, настех. Но когда Степан Георгиевич на выходе из вертикали убрал газ, тяга отсекла подачу. И только огромное сцепление ведущих и передних колес, неодолимое стремление спастись машиной помогли летчику привести истребитель на аэродром с выключенным мотором. За это он получил первую награду: орден Красного Знамени.

А сколько таких случаев хранит память летчика-испытателя! С каждым из пяти его орденов связана незабываемая воспоминания. Но особенно тяжелыми были для Степана Георгиевича последние два случая.

ЦЕНА СЕКУНДЫ

...Тихо на аэродроме в предрассветные часы. Тишина здесь маевская, осенняя, согнутая. Мирно стоят ряды обтянутых брезентом новых машин с тонаами крыльями. Их темные силуэты едва различимы в сумерках. Словно кинематографные птицы приготовились оторваться от земли и только слегка отстав от туловища конца крыльев, да так и замерли, готовые ринуться в полет при первом же южном ветре. «Где-то на другой стороне аэродрома, пропахшего прохладными галасами, зашуршала по обшивке стеклянный брезент, и снова замерло все. Но вот тонок гул пусковой моторики, и, наконец, раздался гул запущенного двигателя. Сопло выбросило длинный ярко-красный столб пламени, и турбина, все увереннее стала набирать обороты.

Уже совсем рассвело, когда с командного пункта послалось для восстановления связи летчик. За стеклом скифрида легко можно было узреть синие глаза и знакомую белобрысую челочку Петухова.

Вскоре самолет вырулил на бетонную дорожку. Отбегавший от края борттехник Василий Никитович Воронин махнул на прощание рукой и после ответного кивка летчика отошел в сторону. Машину вырулили на взлетную полосу. Взвеселились двигатели, скрипнули крепления, полыхнула торпеда. Казалось, крылья еще больше прижались к фюзеляжу от бешеною скорости. Потни не видимыми облаками тумана взметнулись от бетона не просохшие за ночь лужи.

Опытный глаз борттехника успел заметить, что самолет резко осел на хвост, поднимая под себя сложившуюся втулку. Другую ногу главного винта, Остягра было необходимо сдернуть. Всегда было опасно сдернуть сердце Василия Никитовича, и он замкнулся, чтобы не видеть немыслимой катастрофы, а когда снова открыли глаза, самолет уже мчался над землей, постепенно отрываясь от нее и пропадая в синей дымке. Борттехник так и не понял в тот момент, что произошло с шасси. Выяснилось это позже, когда самолет вернулся на аэродром.

Маленький кусочек разины, величиной всего в несколько кубических миллиметров, закрыл отверстие сглатывающего клапана. На аэродроме сажа сдувалась, как чайная пыльца, под ногами шла. Пока машина стояла под нагрузкой и рулила, давление гасилось вспомогательным двигателем. Но стоило набрать скорость, как уменьшилась нагрузка на шасси, и «якоря» подломились. Произошло это в самый опасный момент разбега, когда скорость еще недостаточна для того, чтобы самолет оторвался от земли, и слишком велика, чтобы можно было прервать полет. Требовалось немедленное прекращение всех физических сил, чтобы удержать машину в нужном положении только рулем, не трогая газа. Если бы летчик прибрал газу, это позволило бы за собой резкий рывок вверх с потерей скорости, и машина неминуемо перевернулась бы. Олюзий Петухов хотя бы на одну долю секунды принял правильное решение — и катастрофа не избежала.

СИЛЬНЕЕ СМЕРТИ

Это случилось в последнем полете. Не выходя из облученности самолет находился в воздухе впереди. Как ни старался Степан Георгиевич выпрямить кресло, ничего не получалось: управление не слушалось его, самолет продолжал планировать с правым креном.

«Неужели это все? — в отчаянии подумал летчик, снова и снова включая и выключая бустер, меняя положение триммеров, тщетно пытаясь сдвинуть с места за jakiженный кресло, упертый в спину. Ему нестерпимо было за машину, на которой он впервые в мире добился небывалой точности падения по наземным целям — из сверхзвуковых скоростях. Он уже провел все испытания и так привык к самолету, как привык к жене. И вдруг возникла необходимость расстаться с ним, расстаться или погибнуть вместе. До земли осталось всего тысяч метров, когда из послал первую травмованную волчью «змеину», длившуюся какую-то секунду, показалось летчику вечностью. Но вот наконец в наушниках что-то затрещало, и знакомый голос властно потребовал: «3422, 3422. Я зямы, покиньте самолет, покиньте самолет!»

В это время машина пошла нанос, но резким движением сектора газа удалось вернуть ее в положение планирования. И уже сквозь Степан Георгиевича руки сажая машину на «землю», ему снова приказали катапультироваться.

До земли осталось всего двести метров и около восьми километров до аэродрома. Под крыльями пронеслись сплошной лес.

— Освободите полсуп! — передал Петухов на КП. — Отвечать больше некому! Если дотяну до аэродрома, посыплюсь.

Вынуждены были минуты, когда в памяти пролетают все твои жизни, все, что особенно ярко запечатлевалось в твоем сердце. И в эти страшные минуты вспомнился вдруг летчику взъевшийся его эпизод из фильма «Коммунист»: тяжело раненный Василий Губанов бесстрашно шагает на встречу на-

ОБЫЧНЫЙ

Миллионы тонн нефти перевозят танкеры Каспийского пароходства с промыслов Азербайджана Турана и Каспия до Волги. Здесь груз принимают речные нефтеплавильные суда и вагоны, доставляемые в грузовые порты, чтобы снабдить топливом предприятия, новостроек.

Из года в год увеличивается добывающая мощность судов нового типа и танкерный флот. Недавно сошли со стапелей танкеры «Сергей Тюленев», «Альфред Коцеба», «Инженер А. Пустошкин». Их вступление в строй означает, что прошли они по просторам Каспия.

Большая дружная семья моряков танкерного флота живет

очень интересной, полноцветной жизнью. Экипажи соревнуются за первое место по производительности труда. В свободное от вахт время на судах проводятся спортивные встречи, соревнования по плаванию, шахматные чемпионаты. Многие моряки учатся в заслуженных колледжах. На берегу каждого моряка есть библиотека, кинустановка. Моряки не чувствуют себя оторванными от земли.

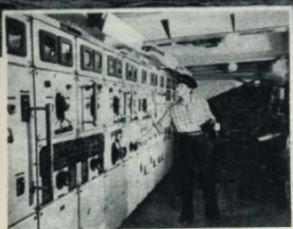
О буднях одноголландского экипажа танкера «Инженер А. Пустошкин», названного так в честь конструктора советских кораблей этого типа, рассказывают наши снимки.

После вахт на палубу собираются любители игры в волейбол. Но не так просто провести тут игру: для «стражников» приходится мяч обвязывать веревкой.

(Окончание см. на стр. 14).

РЕЙС

На вахте электромеханик Е. П. Занка. В его ведении десятки электрических, мощных моторов, силовых установок.

Шахматный радиоматч в разгаре. Радист Л. И. Сурков (в центре) только что принял радиограмму с танкера «Олеф Конвой». Слева — капитан судна — коммандор Г. А. Кобзев. Справа — механик Г. В. Касимов (слева) обдумывает ответный ход. За игрой внимательно следят судья соревнований механик С. А. Потапов.

Танкер ведет воспитанник комсомола капитан Н. Н. Кобзев.

Тревога: «Человек за бортом!» И мгновенно на воду спущена спасательная шлюпка. Но это лишь учебная тревога.

Валентина Вериковская и Саша Гуреев.

Фото А. Жамалдо.

ПРОСТЫЕ СУДЬБЫ

Борис СИЛАЕВ

Нет, наверное, в нашей стране такого угла, где не знали бы про продукцию Харьковского тракторного завода. Мощные машины пропахают землей и сеят эмблему ХХ века — спасибо спасибо тягой, по пескам Средней Азии, болотам Полесья. Тракторы бороздят поля Украины и степи Казахстана, работают в садах Крыма и Поволжья.

ХТЗ — это завод-город. Каждый его цех — многоэтажное здание. И всюду — на каждом участке, в каждой бригаде, в клубе, в общежитии — здесь встречаются молодежь. Открытые лица, лукавые веселые глаза. Редко и дающиеся улыбки — вот у стариков-стажеров и на концептёрах, сгребут дома, чистят. Разные судьбы у них, но есть общее, что объединяет молодежь в одну трудолюбивую, неунывающую семью. Это совесть и честь комсомольца, участие в трудах, но почетных делах.

ПУТЬ К ПОДВИГУ

Шло собрание комсомольского актива района. К трибуне вышел офицер пожарной службы. Он достал из папки плотный лист бумаги, откашлявшись, торжественно начал:

— Валентина Вериковская, шлифовщица цеха толпильной аппаратуры завода ХТЗ, за проявленную храбрость...

Валентина сидела в последнем ряду. Отзванные щеки ее горели. Она опустила голову. Вся жизнь проходила сейчас перед ней... Вот она учительница, веселая певчиха, любительница танцев в вечеринках. Дни текли тогда легко, бездумно, ничего не оставляя и никуда не зовя. Но были минуты, когда охватывала растерянность. Казалось, что бесследно проходит лучшие годы. И она поступила в деся-

тый класс вечерней школы, попросила перевести из учениц к станку.

Шлифовальный участок. Монотонный гул моторов расслабляет тело, жаркая волна кружит голову. Валя опускается на край металлического стула, голова ее клонится на грудь.

— Снова Валыка заснула... — слышит сквозь сон ворчливый голос соседки, пожилой работницы. — Вынать ее из цеха!

Но вдруг Валентина просыпается, и тишина обступает девушку. Валя спит. Но воображение ладони соскальзывают со стула, она вздрагивает, открывает глаза, смотрит вокруг неподвижно, удивленным взглядом. За ее станком стоит незнакомая девушка волосатым стантом, стоит рядом горка готовых деталей.

— Ты что?! — спрашивает Валя.

— Сыре выполнила, решила тебе помочь.

— Я сама... не мешай! — грубо говорит Валентина, а мышки краснеют от стыда.

После этого Валентина спешит перебраться. Навстречу идет рабочий. Все смотрят на нее, удивляясь.

— С добрым утром! — кричит парень в лихолапленной кепке.

— Прогонялась, голубка? — спрашивает другой. Даже мастер усмехается и машет рукой:

— Со сповидением, Вержаковская!

Валентина почтибежит по коридору, распахивает дверь в умывальник и замирает на месте. В зеркале она видит свое отражение. На самом кончике носа черешки масляные пятнышки.

— Клониусь... клюнор како! — говорит она и лобом прижимается к косынке двери.

Планчишь? — спрашивает девушка в синем, подходит к ней. Валентина молчит, пряча лицо в ладони.

Девушка обнимает Валю за плечи и ласково говорит:

— Ну ты упрямый будь. Назло всему будь! И знаешь, тогда легче станет... Честное слово!

Но быть упрямым оказалось не так-то легко. Долго думала Валя и однажды принесла в заводское заявление с просьбой направить ее на целинные земли. Кое-кто, узнав об этом, позадравлял девушки с патротическими поступками, пожелал прославиться на союзовых полях.

На заседании заявника привели директор вечерней школы, парторт цеха. Валентина сидела, что все удивляются ее мужеству и героизму. Но вот поднялся наладчик автоматического участка и, нервно постукивая блокнотом о стол, сердито спросил:

— Убегаешь?

— Что?

— А то! — передразнил наладчик. — Хочешь этим заявением привлечь свою трусость? Занимай в школе забровской, в самостоятельности уже не участвуешь. Нет, на юности такие же нужны! Там еще тяжелее будет. Предлагаю отложить заявление.

И такое вот поднялось, что и сейчас Валентина охватывает стыд. Одни за других поднимались ребята и бросали в лицо горькие слова правды. Забрала свое заявление Валентина, но на юности запомнила: надо любое дело, и самое пустяковое и самое тяжелое, доводить до конца. И это стало ее увлечением и ладом в глаза смотреть морозом.

Эта истина очень помогла ей в жизни. Вскоре фотография Валентины появилась в заводской газете, привело уважение товарищей, руководителей цеха. Окончала десять классов. На областном фестивале за исполнение песен получила диплом...

— ...за проявленное мужество и спасение шестилетнего ребенка — Саша Гуреева... — продолжает поддиктованник, как тащина стоит на палец, — иначе, как под ветром дремлет оконное стекло...

Вернувшись однажды после работы домой, Валентина не успела умыться, как вдруг услышала отчаянья детский крик, доносившийся из комнаты соседей. Забыв закрыть кран, она выбежала в коридор. Из щели двери сочли с дым.

Что делать? Дверь заперта, одноразовая лампа. Девушка торопливо ищет ключ. Куда огнестрастились? Наконец ключ найден. Валентина, распахнув дверь, вбежала в комнату, покрытую пеплом, крошащим языки пламени. Комнату покрытое черного дыма, крошащим языки пламени. На мгновение Валя нещепетливо останавливается, а затем, глубоко вздохнув, бросается вперед: ведь в комнате осталась соседская синичка. В темноте она нащупывает что-то теплое, неподвижное. Сашка! Валентина прижимает малышку к груди и выбегает на кухню. Уложив ребенка на пол и схватив ведро воды, она снова бросается в комнату. Отчаянно шипит, чадит горящая одежда. Одно ведро... Второе...

Вот и все! Какое уж тут мужество. Даже испугаться не успела. Гораздо труднее было раньше, на заводе, когда приходилось переговариваться с...

— ...награждается именными часами и грамотой областного пожарного управления, — заканчивает офицер.

Валентина встает и медленно направляется к сцене. Зал гремит аплодисментами. А она идет неторопливо, вскинув голову, и в ее глазах сияет счастье.

ПОЛНЫЙ ВПЕРЕД!

В детстве Григорий Дума любил выходить за оконницу родной деревни. Там, у оврага, лежала большая рука исковерканный войной металла: траки танков, помятые кузова автомобилей, разбитые моторы. Гриша лазал в кабине грузовика, клад руки на руль и приклады, взмокшие от пота, на скользкую дереву. Ветер гремел ржавыми листами железа, а мальчишка, казалось, что он спешит сквозь ураган на быстроходной машине.

Домой приходил грязный, запыленный, с исцарапанными руками, но довольный, счастливый. И, засыпая, верил, что настанет время, когда настоящие моторы и станки будут повиноваться его воле.

Окончив семью классов, поступил Григорий Дума в рабочую профессию. Две года занималась проходкой практику в мастерских. А когда закончили учебу, направили его на Харьковский тракторный.

На завод юношу поставили работать наладчиком автоматических станков... День и ночь стучали они, поглощая стальные прутты и выплевывая блестящие гладкие детали. Одни наладчики следили за темпом, а то и пятью станками.

С замороженным сердцем прошел по участку Григорий. В глазахrabilo, смазанные маслом машины дрожали, дрожали, тряслись, толкали и резали металла. Струи смущенных хлестали по горячей стали.

— Ну, спаршивайся? — спросил мастер, подводя Григория к стаканам.

— Да... — ответил парень, с робостью глядя на три враждебно-молчаливых автомата.

Мастер ушел. Григорий включил станок, поднял с пола длинный прут металла и затянул его в трубу. Автомат задрожал, и вот первый болт со звоном выпал из приемника. Григорий поднял его. Он был чуть теплый, гладкий от него пахло нагретым маслом. И хотя это не разрешалось, первую в жизни самостоятельную выточенную на нем за день деталь привезли к мастеру для проверки.

Заработал автомат, третий. Григорий успокоился, движения его стали точней и увереннее. И будто один из стакнов загудел и остановился, точно покерхнувшись куском металла. Пачкался в масле, парень стал торопливо копаться в моторе. Удалился головой, выругался от злости. Глухо застучало что-то во втором автомате, и он тоже остановился. Григорий глянул на половиночку резца, растерянно спустил руки.

— Что будет?

Из-под второго стакна вынырнула фигура в комбинезоне, склонилась над автоматом, что крутила и скрипела. У второго стакна уже стоял другой незнакомый парень. Он перенес резец, пустил автомат и, ободряюще хлопнув Григорию по плечу, торопливо убежал. Григорий прислонился к стене, облегченно вздохнул. «Спасибо хлопшам», — с благодарностью подумал он, — что я делал без них!»

Вечером он встретился с ребятами в красном уголке.

— Порядок? — спросил один.

— Как часы, — ответил Григорий и тихо добавил: — а часы, как трактор. Половина дала в срок.

Тут такое дело, — начал парень, усаживаясь на стул, — автомат-то каждый свой норов имеет. Один — упрямый, другой — капризный, а третьего сам черт не разберет. Если их не изучишь, — съедят живьем! А работа-то нравится?

— Еще спрашивашь! — нахмурился Григорий.

— Тогда полный вперед! Жми на все педали, помехи нет!

— Продолжай газа. Возмужал, окреп Григорий Дума. Теперь и не узнаешь в этом юноше широколицем парне прежнего робкого, застенчивого новичка. Уже на пяти автоматах работает он, 140—160 процентов нормирует каждый день. Проснулся в нем и изобретательская жилка. Любит помудрить, поискивать новое.

Как-то, проходя по заводу, он заметил недавно повешенный плакат:

«Юноши и девушки! Знаете ли вы, что если каждый сэкономит одну минуту рабочего времени, то за год завод даст стране дополнительные 117 тонн грузов?» «ДТ-54», или 166 тракторов «ДТ-14» или 1834 топливных насоса для трактора «ДТ-54»!

Эти цифры поразили воображение Григория. Он на секунду представил длинный ряд тракторов, бесконечную лепечку топливных насосов и удивленно потер щеку.

— Что, друг, уже сэкономил? — крикнул шофер из кабинки проезжающей полуторки.

Григорий задумчиво посмотрел ему вслед, глубже нахлобучил шапку и пошел к цеху. В эту смесь он особенно быстро заржал автомат и сорвал резину.

Старший мастер Александр Федорович Беляев подошел к Григорию, когда тут же техногом Литвиновым рассматривалась деталь, только что изготовленная, — клапан топливного насоса. Что произойдет с деталью дальше? Она попадет на механический участок, там ее разрежут. А как бы это сделать ближе?

— Слушай, Григорий, тут мысленика есть. А что если клапан пополам?

— Сразу в автомат?

— Угадал! — Литвинов достал эскиз. — Смотри.

Григорий долго изучал чертеж, потом посмотрел на автомат, словно примеряясь.

— Можно... но немного не так. Что если...

Три головы склонились над чертежом.

— Посидите надо несколько вечериков, — вымрелимся технолог. — Заходи, Григорий...

Беляев окинул взглядом Григория, присвирившись, улыбнулся:

— Вот вам и комплексная бригада — наладчик, технолог и мастер. Может быть, обявимся?

— Сколько на клапане времени сэкономим? — спросил Григорий.

— Считай. Пожалуй, раза в два теперь быстрее.

— Вместо восьми часов четыре?! — поразился Григорий. — Я за комплексную!

— Ну, тогда погоди вперед!

— Григорий, прослушиваешь? На веранде пахло сухим сеном, парным молоком. Солнечные зайчики играли на стенах.

— Пропросил рыбальку! — Григорий торопливо оделся и вышел на улицу.

Первый день отпуска! Сколько было вчера встреч и разговоров! Обступили хлопцы своего односельчанами, засыпали вопросами. Откуда-то знали, что он победитель областного конкурса рационализаторов, был награжден поездкой в Москву на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку. Магнитное поле, которое его окружало, было сильным.

Все это находилось в нем, парня.

Григорий шел по дороге, с удовольствием ступая босыми ногами по мягкой пыли. Вот и обрыв, а рядом речушка. Григорий опустялся на траву, закинул уодчу.

Где-то рядом раздался знакомый звук — дребезжал на ветру жестяной лист. Григорий беспокойно встал и бегом направился к обрыву. Вот она, груда помятых разбитых кузовов. Из капота машины торчал руль. За дырявым баком Григорий заметил фигуру маленького, склонившегося над разбитым мотоциклом. Мальчик, похожий на карлик, ударил по баку, вытер по рубашке руки и сел за руль. Полный вперед! — кричал он, приподняв грудью к рулю.

— Добрый путь! — хотелось крикнуть Григорию, но он только взъерошился и помахал малярнике рукой и медленно пошел к реке.

ЧУДЕСНАЯ СИЛА

Дмитрий Западин приходил в цех перемазанный глиной и картошкой пылью, ботинки его были в пятнах извести, на больших мозолистых руках, в которые, кажется, на всю жизнь влезлось машинное масло, чернели полосы древесной смолы. В свободное от работы время он колол траншеи, бетонировал фундамент. Да и как не становиться строителем, если жить приходится пока в каматах, разогоряенной сибирской занавеской. Когда-то поселились в ней два друга-холостяка, но нагрянула любовь, и они решили покупать двенадцать метров скотчу. Не сорились, жили мирно, но все же кому-то, конечно, хотелось иметь свою четырехстенку.

Каждый из застройщиков уже знал, кому какая комната достанется. На плане все аккуратно разметили.

Теперь не узнаешь в этом пареньке прежнего работника, — говорит Дмитрий на пятым автомате.

— Да это же на пятым автомате...

— ...Фото Г. Карпушина.

Вечерами, уложив сынишку, сидели молодые супруги и расстеливали на бумаге будущую мебель в будущем доме. Сюда диван, в угол — шкаф...

— Долго строят, — шептала жена.

— Мало нас — двадцать пять человек. Ничего, потерпим, — отвечал Дмитрий и достав чистый лист бумаги, начинавший что-то чертить.

— Опять полуничтожить? — тревожилась жена.

— Понимаешь, хочу механизировать сверловку. Тяжело девятнадцать вручную крутить.

Ходил давно отстукивал полючи, а Дмитрий все сидел над чертежом, обдумывая приспособление...

...Худенькая шустрая девушка включила станок, поставила деталь и опустила на нее спираль. Оно легко вошло в метал, высыпало радиющую стружку.

— Ну как, Горбучикова, теперь? — спросил Дмитрий.

— Совсем другое дело! — восхищенно отвела девушка. — Молодец, Дима! Как просто, а никто раньше не додумался. Вместо шести сот теперь десять деталей дадим.

— Погодите, мы что способны, — улыбнулся парень и неторопливо вернулся к своим восьмым станкам, на которых работает наладчик.

Когда Дмитрий после смены пришел на стройплощадку дома, там уже кинела работа. Он подул на озябшие руки, оглядел слегданое, и сердце его тоскливо дрогнуло. Еще не начинали чердачного перекрытия. Сколько времени пройдет, пока людям можно будет все-лишь?

Подали раствор. Дмитрий поднял кельмой густую массу, уложил на стену, прижал кирпичи и в этот момент увидел, что в стройке идет толпа людей с лопатами и ломами, с кирками и молотками, с пылью и дробузами...

— Что это происходит? — И, всмотревшись внимательно, обрадовался: — Да это же к нам! Субботник у комсомольцев!

Дружная ватага подошла к стройплощадке.

Со смехом и шутками парни стали грузить на носилки кирпичи. Поплыли на плечах плиты перекрытия, лестничные марши. Топоры весело застучали по смолистым бревнам.

Двое незнакомых парней в брезентовых фартуках сидели около Дмитрия с новеньными кельмами в руках.

Зачинщик — шутливо скомандовал один, и оранжевые кирпичи начали ложиться ровными рядами.

Стены поднимались все выше и выше. Комсомольцы работали, не чувствуя усталости. Они строили свой дом — до сихр программы.

реконструкции, застенчивого новичка. Григорий Дума

ВЫСТАВКА МОЛОДЫХ ХУДОЖНИКОВ

П ервое произведение молодого художника — первый серьезный шаг в искусстве. Каков он? Этот вопрос в одинаковой степени волнует и живописца, отдавшего своему первому творению весь пыл души, богатство накопленных впечатлений, и зрителя, который в творчестве молодых видит будущее родного искусства. Потому-то с таким неослабевающим интересом встречают нас на каждой выставке веды именно здесь можно открыть многое из будущего, что будет двигать нашу искусственную историю.

Вот уже в четвертый раз за послевоенные годы выставочные залы на Кузнецком мосту предоставлены молодым художникам, в четвертый раз молодые живописцы, скульпторы, графики Москвы показывают все самое лучшее, что было создано ими за последние времена. На нынешней выставке экспонировано более 1500 произведений, участвуют около 600 молодых художников, среди которых есть и члены АОСХ и АХ СССР. Их работы, как правило, показывают их работу впервые. Даже первый осмотр выставки позволяет заметить, что не все здесь равно по качеству. Приходится сожалением отметить, что по-настоящему значительные картины и скульптуры, в которых было давалось художественное осмысливание сложных жизненных явлений, на выставке нет. Однако при полотен, безусловно, свидетельствует о совершенствовании мастерства молодых художников, их стремлении ярче выражать присущие им эмоции.

Удачные работы тех художников, которые, следуя великим традициям классиков, стремятся рассказать о сегодняшней дне нашей жизни со всеми ее радостями и трудностями. Живой грайд веет от картин В. Поликова «Молодость», в которой автор сумел передать романтическую пронизительность, озаримость, присущую нашему молодому современному. Но поэтическое нечто необычного: да парни ремонтируют линию электропередач. Переходный мост через железнодорожную дорогу, проводящую к пейзажу, покрытым синими и зелеными листьями фруктовых деревьев! Но как синими и зелеными фруктами эти деревья, как прекрасны они в своих тонко-пурпурных!

Полина сдержанного, но большого чувства картина Е. Кудиновой «В море». Выразителен портрет «Дочери рыбака» Ю. Фролова. Острые наблюдательность и мукоместные теплоты чувствуется в чукотских пейзажах В. Даудова.

Подолгу стоит зрители у картины Л. Шипачева «О мечтах отцов наших». Горючие расставания молодого солдата с любовью, сознание необходимости быть там, где идут борьба за родную землю и бессмертная нежность умело запечатлены художником. В картине нет ничего лишнего, здесь всему веришь, все волнует.

Гадумин Г. Коржевая — художница, наследница традиций поздней советской живописи. Хорошее владение краской, производит впечатление Е. Григорьевой «Лето», декоративная нарядность которого, обилье ярких красок и тонах говорят о радостном восприятии художником жизни, о влюбленности его в родную природу. Но менее интересна картина Э. Вейдмана «Вечер в северной деревне», написанная выразительно, с настроением. Среди других работ хочется отметить «Сумерки» Э. Браговского, «Портрет девушки» Н. Егориной, «Юношу» из Сочи и Н. Степанова-Шевченко, «Вечер» А. Кулакова, «Колонка» А. Дубинички, «Затоплен» В. Ездекова.

Уметь подметить значительное в жизни, уметь обобщить увиденное — нелегко. Умели, художники должны найти форму, которая бы соответствовала его творческим замыслам, а это требует серьезного, долгого труда. На выставке экспонировано большое полотно Н. Ан-

дронова «Кубышкиев ГЭС», которое мы вместе с другими работниками публики можем видеть. Автор задался благородной целью — рассказать о напряженных, богатых событиями, трудовых буднях строителей, о том, как крепнет и движут в труде советский человек, доказавший всему миру величину своих устремлений. Сколько героя родилось на Волге, Дону, на Ангаре, Каме, сколько подвигов было совершено! О них мы читали в газетах, но делами гордятся страны. Как же художник раскрыл эту тему, какую увидел в жизни? Группировка поднимается из глубины. Шагают вперед, виднеются вдалеке порталы краины. Жесткий, нарочито мрачный колорит картины передает ощущение тревожности, в фигурах шагающих людей чувствуется плачливая решимость. Но в людях вы не узнаете подлинных строителей ГЭС, которым привыкли встречаться в жизни, не ощущите трудового пафоса, который проникнуты ими. Картина откровенно и просто поддается анализу. А дальше?.. На него чисто внешние приемы живописи. Но если у Дейнеки живописные решения глубоко соответствуют замыслу, а его образы отражают настроение и жизнь людей в определенный период, то, в разбираемой нами картине автор не сумел передать ни духа времени, ни настроения людей.

Подобный же промах мы наблюдаем и у Н. Попова, картина которого «У перехода», на мой взгляд, одна из лучших, под большим влиянием работ Г. Несского. Нет необходимости говорить о том, что каждый художник на определенном этапе испытывает в себе воздействие большого мастера и зараженный силой его таланта, создает работы в присущей этому мастеру манере. Молодой живописец как бы опирается на него и потому в некоторой степени глядит на жизнь его глазами. У одних это выражается сильнее, у других слабее. Сейчас же нам хочется поставить другой вопрос: а стоят ли выставленные на выставке картины Н. Попова? Не лучше ли подождать, пока молодой художник скажет свое слово, создаст то, чего еще не было? А если он этого слова не скажет, значит, он еще не пришел в искусство.

На выставке немало работ, в которых чувствуются поиски художниками своего почерка. Однако от поисков следует отичинять стремление живописца к чисто внешним эффектам. Так, например, Е. Голикин в «Белогонках» на трех планах передает первенство света и темы. Картина интересна несомненно, но цвета и смыслы ее блеклы. Вспомним «Вечер» Б. Кустодиева, когда на фоне пурпурного неба солнце входит в здание, не будучи и досада и работы друга. Старость «На качалках»: формальная задача передала движению заслонки от автора все: и природу и людей.

Великие художники прошлого трагически предвзятое всеми, что в их произведениях всегда было заложено большая мысль. Об этом хочется напомнить потому, что в некоторых произведениях молодых живописцев есть что-то, что несет в себе опасность для общества, угрожает утратой культуры, выхода к решению многих тем. Герои не подобны героям картины никем не подумавших, что они писались недавно, что автор их был свидетелем явлений, которые были в стране, настолько в них слабо выражено авторское отношение к времени, к тому, что на его глазах рождается и умирает, борется и побеждает, к тому, что, казалось бы, особенно должно быть близко молодому художнику.

Вот, например, полотно Ю. Попова «У мельницы». На нем изображены груженые мешками телеги, бесцеремонно махнув собою Тусклая, белная по цвету картина не дает правдивого представления о сегодняшней деревне. Вот «Колонка» К. Мордовина. Смот-

рите на нее и удивляйтесь: что могла увлечь автора ради чего онтратил силы и время? В «Линейке» И. Мирзоева, сделанный в живописном отношении вполне со всеми большой мыслью. Невольно вспоминаются полотна В. Маковского, у которого подобный интерьер всегда играл служебную роль, никогда не был самоцелью.

На выставке многое пейзажной живописи. Зашемные пруды, густые кроны елей, проселочные дорожки, рощи и берески... Глядишь на них и думашь о том, что все это ушло где-то было, все это сморено и пересмотрено и зато что осталось не было и не вспомнит. Не вспомнит, потому что в них нет ничего переносного, пронесенного в отношении автора к окружающему миру. В них мало мыслей. Изысканы красавы позы двух девушек в картине «Вечер» А. Мерзлякова, и купы деревьев тоже красавы, но пополню не будоражит душу, потому что в красавости чувствуется наорочитость, доходящая до славности.

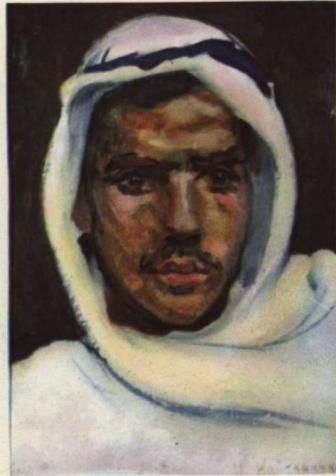
А. Тутунов еще на прошлой выставке порадовал зрителей своими работами. В этом году он показал две картины: «Весенняя ночь» и «Зандекелия». Если первая выполнена гармоничным волнистением автора и соединяет зрителя настроение глубокого раздумья, то в второй не скажешь этого. И дело тут не в живописном мастерстве художника: снег, скамейка, пол, на котором видны следы веника, сбачка у крыльца — все этописано умело, но мало во всем этом мысли, нет большого чувства, а так, поэтическая забава.

Многое увлекло меня, наполнено впечатлений — вот что отличает сейчас взгляд на некоторые картины, экспонированные на выставке. Возникнет вопрос: что же помоложе художника восполнит недостающее, по-своему открыть важные темы? Ответ может быть только один: жизненный опыт. Нужна внимательная взглядываться в окружающую жизнь, где постоянно рождаются новые, нужные быть в гуще жизни, которая одна только и дает верное понимание людей и событий. Достаточно солгаться на опыт Г. Коржевика, который после сокрушительной победы над фашизмом вступил в мастерскую. Он много путешествовал по всему Советскому Союзу, видел Киргизскую область. Был знаком со людьми, с их заботами и радостями и расширил кругозор художника. И недаром многое его полотна, в том числе и «Дядя», о которых мы упоминали,ышает подлинной жизнью, полны поэзии. Не хочется, чтобы нас понялили односторонне: дескать, средство от всех бед — творческая командинка. Нет, конечно, одна поездка в деревню не даст ничего не для себя мало. Но надо помнить, что или иное явление, надо описать и расширить его, чтобы там организовать материал, чтобы из него произведение было выражено наиболее ярко.

В заключение хочется сказать и о высокой требовательности к художнику, к молодому дарованию. Нынешняя выставка убеждает, что требовательность эта ослаблена. На ней больше, чем на прошлогодней, работ слабых, скромных и незавершенных. Никакими благами доводами нельзя объяснить появление в выставочных залах таких работ, как «Рассказы о войне» И. Григорьева, «Семь сестер» Е. Ефимова, «Семь сестер» Б. Нечевца и других. А в воспитывающем отношении это может сыграть отрицательную роль, ибо передает у начинающего художника неверное представление о легкости пути в искусство, расслабляет художественную требовательность к себе. Мы же должны воспитывать молодежь в духе величайшей ответственности за большое дело, которому она решала посвятить себя, которому отдает свою любовь, свой талант.

В. Полков. Молодость.

Н. Кавтарадзе-Шевченко. Юноша из Судана.

А. Дубинчин. Колокольчики.

Л. Щепачев. О мечтах отцов наших.

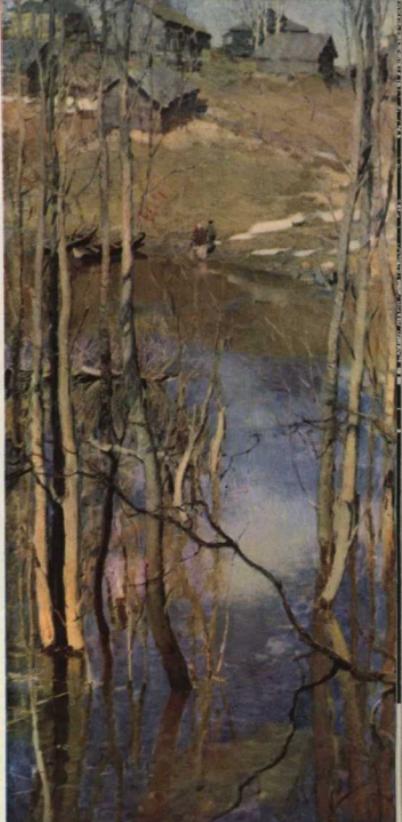
Е. Кожанов и А. Орловский. Освобождение Праги.

Ю. Горелов. Сорок первый год.

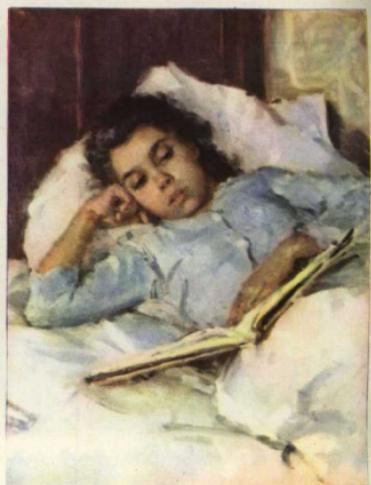

Н. Андронов. Куйбышевская ГЭС.

Г. Коржев. Донди.

М. Иванова. Портрет дочери.

В. Захаркин. После трудового дня.

КАКОЕ ОНО, ЛИЧНОЕ СЧАСТЬЕ?

У большинства советских людей есть ясное, четкое представление о счастье, и, кажется, о чём тут спорить? Но спорить приходится потому, что бытует еще среди некоторых юношей и девушек узенькое, мещанское понятие о счастье как о «личном благе».

Так что же такое счастье? Мы, граждане Советской страны,—знаменцы новой морали, новых человеческих отношений. В нашем социалистическом обществе членом которого является каждый, есть счастье. Каждый у нас работает на общество, общество — на каждого. Счастье одного человека гарантировано созидательными усилиями миллионов других людей, товарищей и сподвижников в борьбе за коммунизм. Год от года зреет, богаче, полнее становится жизнь советского человека, и поэтому он с великой убежденностью вслед за Маяковским повторяет ставшие уже крылатыми слова: «Личное счастье — это рост, распустили на шей богатства и силы».

Мы соединяем свои личные интересы с интересами общественными, при этом общественные интересы выше личных. Знамечательный советский писатель, друг и советчик нашей молодежи Николай Островский писал: «Если личное в человеке занимает огромное место, а общественное — крохотное, тогда разгром личной жизни — почти катастрофа. Тогда у человека встает вопрос: зачем жить? Этот вопрос никогда не встанет перед бойцом».

Нам дороги эти слова не только своей верностью, но и тем, что правота их подтверждена жизнью человека, и, скажемшего. Несчастие, постигшее Н. Островского, было тяжелейшим. Но она не согнула, не растоптала его, ибо в жизни Николая Алексеевича отразилось честолюбие общенационального героя — было борьба.

Ряды героев, которых Островский называл борцами, растут в нашей стране с каждым годом. Труд на благо Родины дает им радость, борьба — силы, в общих победах придают им свою счастье.

Но есть люди, которые понимают счастье иначе. Они противотолкуют «мово» «общему», стремятся к тихонькому индивидуальному благу, становятся большими дед. Гавное, моя, чтобы в собственном доме была полная чаща, а остальное mein не касается: я человек маленький.

Маленький, маленький, а алптият у такого человека немаленький. Он больше и чаще других кричит: «Я». Он одинично знает, что ему по нашим законам «положено», иногда даже критиканствует, но для общественного блага пальцы о пацек не ударят. Подобные люди вырождаются либо в этиках речей, либо в мелких карьеристах. Личное «я» заставляет у них все на свете. Они не живут, а «устраиваются в жизни».

В прошлом году мне довелось плыть пароходом по Днепру. На палубе среди пассажиров находился один мальчик лет двадцати. Судя по тому, что он говорил, это был «емо-гоопытный» мальчик. Когда он услышал, что кто-то собирается поступать в консерваторию, тут же поведал:

— Я тоже буду учиться в консерватории, только туда устроиться трудно. Нужно знаний...

Через несколько часов, когда пароход подошел к Каневу и показались знаменитые днепровские круны, в зал фотоаппарат и направился к капитанскому мостуку, с которого удобнее было фотографировать. Утром на мосту я встретил того же мальчика.

— Разве сюда разрешают подниматься детям? — спросил я его.

— Надо иметь знакомство с капитаном.

Этот ответ мальчика вызвал бурные комментарии пассажиров. Одни стыдили его, другие говорили неисторические слова в адрес родителей. И только одна женщина не согласилась со всеми. Она сказала:

Редакция «Смены» получила письмо от М. Коваленко из Днепропетровска. Он пишет: «Несколько дней назад я прочитал в газете диспут о том, что такое счастье, как понимать его, как найти его в жизни. Заранее мы этого диспута не слушали, и не слушаем, но, не спеша, два товарища, которые мы не знали, всех, и мы не могли успокоиться до самого утра».

Да, товарищи было как-то неоходимо, что у нас людей, живущих вместе, точки зрения были порою столь несходны! Некоторые хотели спорить, другие — просто слушать, а третьи — и называемому «личному счастью». Другие называли эту формулировку гностикой и говорили, что это существует. Не всегда одна сторона могла убедить в чём-нибудь другую, многие вопросы остались открытыми. И вот, вспомнив о том, что читать на страницах «Смены» высказывания о том, как понимать, как найти в жизни счастье, Редакция печатает статью Бориса Егорова на эту тему и просит читателей продолжить разговор.

— Ничего. Такому в жизни будет легче.

Реплика встретила столп резкую отповедь, что женщина вынуждена была покинуть палубу. А я подумал: хорошо, если в будущем школа, пионерская организация, комсомол сумеют изменить у этого мальчика взгляды на человеческие отношения в нашем обществе, винчат ему правильное понимание того, как надо достигать намеченной цели, спланировать и выиграть последствия своего неправильного воспитания. Впрочем, в прошлом года не влезешь. К тому, что честен и трудолюбив, оно придет само. Придет не как выигрыш по лотерее, а как вознаграждение за то хорошее и полезное, что человек сделал.

Когда люди были темы, забиты и подавлены эксплуатацией, они верили в судьбу, в то, что «нашу роду написано». О тех, кому сопутствовал успех, говорили: «родился под счастливой звездой», «родился в сорочке».

В наши дни, когда перед освобожденным от эксплуатации человеком открыты все пути и дороги, относить удачи или неудачи за счет роки смешно. Ссылься и сетовать на судьбу может только тот, кто не боится и не желает ничего хорошего трудиться.

Если уж говорить о «судьбе», то надо сказать, что она во многом зависит от характера человека, от его личных качеств.

Если юноша легкоизмельчен и на второй день после знакомства с девушкой отправился с ней в зас, гарантировано ли ему счастье в семейной жизни? Если человек неразборчив в друзьях и товарищах, может ли быть он уверенными в том, что они его не подведут? Если он не воспитан в себе непринирности к недостаткам, принципиальность если он поддается им? Можно ли сказать, что он никогда не покидал душой? На все эти вопросы можно ответить отрицательно нет, нет и нет!

В одном письме, присшедшем в редакцию, я прочитала такие слова: «Многие девушки и ребята, окончив школу, попытались поступить в институт, но по конкурсу не прошли и о себе говорят: «не повезло», а о тех, кого приняли, заявляют: «ким просто выпало счастье».

Видимо, счастье выпало тем, кто лучше подготовлен. Кстати, часто в технические институты подают заявления люди, которые и технику-то не любят, а в театральные — юноши и девушки, относящиеся к самым скромным профессиям. Может, потому, когда эти молодые люди найдут соответствующее им призвание дело, они будут благодарить «судьбу», что в свое время им «не повезло» с поступлением в эти учебные заведения.

Я знаю одну девушку, которая поступала в несколько институтов, но везде получала отказ. Подадав, наконец, в рыбный — ведь на-до же куда-то «устроиться!» — и здесь ей улыбнулось «счастье». И вот она учится, но о своей будущей специальности говорит с пренебрежением: «Терпеть не могу, когда селедкой пахнет». Какой же инженер из нее получится?

Нет, уж лучше быть хорошим рабочим, чем плохим инженером. Надо найти свое место в рабочем строю, а счастье найдет тебя. И тогда ты будешь доволен. Будешь гордиться тем, что сумел сделать, что жизнь твоя имеет интересно, приносит пользу не только тебе самому, но и людям. И другой жизни ты не хотел».

Недавно в журнале «Знамя» были напечатаны записки И. Комзина «Счастье строителя». Иван Васильевич Комзин — начальник строительства Куйбышевской гидроэлектростанции. Комзомолцам он был на строительстве Магнитогорским. Восстановился после войны Севастополь и Риекский порт. Четвертый десяток ездит со стройками на стройку, не имея, как говорят, «постоянного адреса». И вот сейчас, оглядывая пройденный путь, рассказывает о своем родном деле, он пишет:

«Счастье — как раз в том, чтобы прийти в стыль на пустынную поляну, обосноваться в походном лагере, пить чай из кружки, а потом увидеть, как из-за горы, из-за холма, из-за рощи создан на радиусе тысяч и десяткам тысяч советских людей новый прекрасный город, город широких улиц и щедрого уюта для всех его обитателей... Это они есть, мое счастье, мое нелегкое, но зато настоящее счастье коммунизма».

Да, бывает оно и такое счастье, нелегкое. Тем дороже оно!

До того, как над миром взошло солнце Октября, люди долго и безуспешно бились в поисках счастья. Но они оставались призраком, миражем. В капиталистическом мире царствовала мораль, которая гласила: «каждый — за себя, дави других, вырывайся вперед сам». Мир, созданный капиталистами Лондона, на хондайской золотой горячке...

...В поиске за богатством, за деньгами, за счастьем множество людей кинулось в район новых золотых присылок. Они стремились прежде всего захватить выигрышные участки. Потом, за золотом аннулировала законы товарищества, дружбы, человечности. Здесь выживали сильные, побеждали хитрые — ослабевших бросали в снежной пустыне на растерзание волкам.

Мне хочется также рассказать об одном случае, который произошел совсем недавно. В Германии Паддингтон (Западная Германия) проходили международные мотогонки. Шведский мотоциклист Бенгт Малмэн съезжал с мотоцикла и лежал без сознания на обочине дороги. Мимо него проклонялся англичанин, австрийцы, голландцы. Они, конечно, не могли не видеть человека на дороге, но никто не захотел выручить его из беды. Каждому мерзлая мысль в глазах трепещущая ленточка финишна, слава победителя, призы и медали, каждый глядел на свой «счастливый звездой».

Невозможно, что бы произошло с пострадавшим, может, так и умер бы он, не получив помощи, если бы не советские гонщики Косматов и Ходлов. Они остановили мотоцикл и подняли застывший мотор, который долго капризничал, и затем, после этого снова выехали на трассу гонок...

Судейская коллегия и шведская делегация горячко благодарили наших гонщиков. Судьи добавили им 10 минут дополнительного времени.

Случайно ли то, что именно советские спортсмены спасли пострадавшего во время соревнований шведского гонщика? Конечно, нет. Наши люди не могут чувствовать себя спокойными, если видят, что кто-то в беде, кому-то надо помочь, и они идут на помощь, не считаясь со своими личными интересами. Это люди высокого человеческого долга, большей, чистой совести, широкой души.

Хорошо жить с такими людьми в нашем солнечном советском доме! Счастье носить гордое имя — Советский Человек!

ПЕРВЫЕ ИЗ КОМСОМОЛЬСКОГО МИЛЛИОНА

— Пожалуйста, «Комсомолку», — сказал в качестве рубашки, протянув две рублевые бумажки.

— Чем там два рубля? — удивился продавец.

— На все дешевле...

В то утро в газетном киоске, расположенному недалеко от Московского института инженеров железнодорожного транспорта, редко кто из студентов брал один экземпляр «Комсомольской правды». Просили пять, восемь, десять...

А чуть раньше в аудитории, где работали студенты-дипломники факультета строительства железных дорог,бежал кто-то и громко крикнул:

— Ребята, про наших в «Комсомолке» напечатали!

С фотографии на первой полосе смотрели знакомые лица товарищей — дипломники факультета строительства железных дорог, добрых друзей, вместе с которыми учились в путь пять трудных лет. Но привык не только снимок: студенты с гордостью читали письмо вдвадцати комсомольцев-выпускников, опубликованное в газете:

«В сложных горных условиях в тайге прокладывается железнодорожная линия Абакан — Тайшет, ведется электрификация магистрали Москва — Владивосток...» — писали студенты. Задача, стоявшая перед бывшими студентами-строительщиками-железнодорожниками, стала: поехать на столь необычную, интересную стройку, как Абакан — Тайшет. Мы просим направить нас на комсомольские стройки, поручить любое дело. Доверьте оправдаем. Презираем всех выпускников вузов страны ехать на комсомольские стройки по своей специальности».

Сказать по правде, письму не удивились. Студенты просто считали, что все идет как надо. Ведь почти каждого, кто подписал это письмо, знали не только по факультету, но и всем его делам. Их знал и руководитель аспирантуры комсомольцев, хороший товарищ. Знали Бориса Малышева, который руководил бригадой своего факультета на работе ювелирного урожая в Алтайском крае и был награжден значком; Женю Тимофееву — одниничу, бессменного члена комсомольского борда факультета; Дмитрия Лапина, чьи бронзовые карикатуры и дружеские шаржи украшали факультетскую стенастру; знали Анатолия Зелева, Олега Денисова, Галю Свердову, Юлию Коротышу, Валю Самарину...

...Все начались осенью прошлого года, когда студенты-мичманты вернулись с производ-

ственной практики. Они работали в насыщенных зарплатами на Урале, на строительстве новой железнодорожной линии Стальник — Абакан. Каждый из которых разрабатывал супорядок, невопрятной красотой природы, о тайге и сопках, а больше — о самоотверженности людей, с которых многим следовало бы брать пример.

Нашлись, правда, и скептики, утверждавшие, что все это «дешевые разговорчики».

— Подумашь, — спорили они, — «романтика!» — я тайгу, и скажи, и трудности — все это хорошо только в книгах. А на деле...

— А на деле... — отвечали им «сибиряки» и «уральцы» — это и есть та настоящая жизнь, которую мы ведем. Всегда на ногах, где нас, молодых специалистов. Мы побывали в Сибири и на Урале, видели, как работают на тайге товариши. Там, как никогда лучше, видишь плоды своего труда: вчера — дикая тайга, сопки, склоны, а завтра — железная дорога, поселки, города...

Получилось так, что и «сибиряки» и «уральцы» начали все чаще затевать разговоры о том дне, когда они получат дипломы инженеров.

Яность внес комсомольский съезд. На всю страну с большой силой прозвучали слова, призывающие молодежь взяться за сооружение гигантских объектов в самых условиях жесткой природы Абакан — Тайшет.

Через два дня для первыми среди добровольцев комсомольского миллиона заявили о своем решении ехать в Сибирь студенты МИИТа. И сразу жизнь приобрела какой-то особый смысл. Ребята стали иначе смотреть на свои дипломные проекты, тщательнее вести расчеты. Разработка и защита проектов становилась серьезнейшим испытанием, которое показало, что на стене крупнейшего транспортного вуза страны выходят не просто инженеры, участники новой комсомольской стройки. Работы над проектами становились испытанием для всех условий, близкие к сибирским: разнообразие профиля, гористость, наличие скальных грунтов. Галия Свердлова, например, сумела «привезти» большую часть исходных данных своего проекта к месту будущей деятельности. Ей помогала в этом производственная практика: год назад Свердлова работала мастером механизированной колонны на стройке железнодорожной трассы Стальник — Абакан.

Через всю нашу страну пролегла великая железнодорожная магистраль. Москва — Владивосток. Идущий от столицы нашей Родины

к берегам Тихого океана поезд проходит Свердловск, Омск, Новосибирск, Красноярск, Иркутск... Именно здесь, в междуречье Енисея и Ангары, в горных Саянах, начато строительство железнодорожной, которая соединит промышленный центр этого края — Абакан — со станцией Тайшет, расположенной на пути из Красноярска в Иркутск.

Трасса строительства протянулась почти на семьсот километров. Ее характерная особенность — исключительное разнообразие природных условий. Небольшая часть дороги пройдет по сравнительно равнинной Хакасской степи, а дальше — непроходимая тайга, отроги Восточно-Сибирского хребта.

Успехи МИИТа защищены дипломами профсоюза, пропорционально родному институту и после отлучки отправляются в руки новой трассы: в Абакан и Тайшет. Из этих двух пунктов и пойдет строители на встречу друг другу. Скорее можно будет встретить идущих следом за изыскателями строителями-путейщиками: на одном участке — механическую группу под руководством мастера Анатолия Зелена, которая ведет работы группой Галины Свердловой, занявшей позадием настолько высоки; на третьем — Юлия Коротыша, который руководит парынными работами; и молодых инженеров Евгению Тимофееву, Валентину Самарину, которые строят вакуумы, дома, стационарные постройки.

В МИИТе ждут вестей от своих воспитанников. Надо думать, что вести будут добрые. Иначе и быть не может. У каждого из двадцати есть благородная цель в жизни, каждый любит трудности... Впрочем, говоря о любви к трудностям, Борис Малышев однажды замечал:

— Это чепуха! Зачем же любить трудности, если надо бороться с ними? Мне кажется, красота не в трудностях. Красота в том, что в борьбе с трудностями жизни раскрывается во всем своем удивительном богатстве. Вот этой борьбой, я уверен, и будет наполнена нация жизни на стройке.

Так рассуждают и те товарищи — двадцать комсомольцев-мичмантов.

Доброго пути вам, друзья!

Г. ГОРДИН

КРЫЛЬЯ

(Окончание.

Начало см. на стр. 7)

правданному на него дулу револьвера. И как-то теплее стало на душу у Степана Георгиевича при мысли, что он столько лет так бережно хранил партизан в левом нагрудном кармане, что не заплатил, не уронил высоким звания коммунистом. Какая-то неведомая сила вдруг хлынула в очи мешавшие путь. «Надо выпустить тормозные щитки» — мельнуло в сознании, и рука быстро легла на края. Но щитки не выпускались.

Машину, наелено наскривши, шла со скоростью пятьдесят пятьдесят километров на востоке жутко надвигающимися белому посадочной полосы. Удар... Опять удар, и, сильно подпрыгнув, самолет мчни-

ся то ли над самой землей, то ли по ней: на таковой скорости трудно точно определить.

«Только бы хватило аэродрома! — пихогородно думал Степан Георгиевич. И, тут же сообразив, что машина не успеет остановиться и, чего доброго, сорвется еще в реку, он резко опустил правый тормоз. Самолет врезался в сугроб и, сильно качнувшись, замер.

Когда улеглись тучи взметнувшего снега, когда со всех сторон

примчались машины и люди бросились к лётчику-испытателю с расспросами, он их не слышал и не мог отвечать: он плясал...

«ДОБРОЙ ПОСАДКИ, СТЕПАН ГЕОРГИЕВИЧ!»

Мы стояли со Степаном Георгиевичем возле того самого самолета, на котором произошел этот тяжелый, памятный для всего аэродрома случай. Машину го-

тоглили для полета из потолока, Аэропланчик сопли жадно плавились снег, и, оседая, он на глазах превращался в тоненькие ручейки, бойко журчавшие на бетонных дорожках аэродрома.

Я невольно заслонился летчиком Петуховым. В его коренастой, атлетической фигуре было что-то волksкое, чакловское. Степан Георгиевич в который раз подходил машине и спрашивался о готовности у механика. Ему явно не терпелось снова сунуться в родной стыжник.

Шагая по хлюпющим лужам, мы говорили с ним о том, что уже через неделю перейдем на что-нибудь более спокойное. Дальше, сорок шесть лет — возраст — более чем приличный для испытателя современных истребителей.

— Не могу даже представить, как я буду летать на пассажирских. Ведь почты четвертый век не спезжал с истребителя! — размышлял вслух Степан Георгиевич.

Он проводил меня до автобуса, ходившего на стоянку, и последил обратно на аэродром. Уже за окна автобуса в унисон, как зазвенел в небо знакомый истребитель. Кругло, почти отвесно взмыл он прямо к солнцу, оставляя за собой серебристый газовый шлейф. Скоро я совсем потерял его из виду. Но длинная белоснежная полоса еще долго висела в чистом веянном воздухе, указывая путь, по которому ушел «из потолока» летчик-испытатель Степан Георгиевич Петухов.

Со временем я приучился этому слову: «авто» давнего товарища — по испытывавшему бортмеханика Василия Никитича Коротыша.

— Как птица лягает! Бессстрашный человек. Давно бы ему в Героях ходить.

Я еще раз взглянул на белую, уже начинавшую бледнеть полосу.

— Доброй посадки, Степан Георгиевич!

Вместо вахтеров денкварты студенты.

Наш студенческий ДОМ

ФОТО И. Бабкина.

На оживленном перекрестье — величественный монументальный дом: студенческое общежитие Ленинградского текстологического института имени С. М. Кирова. В вестибюле за стеклом висят две фотографии с надписью «Предъяви пропуск!» — две девушки. К ним то и дело обращаются студенты: одни спрашивают, откуда они, другие воззращают их, трети просят денквартов передать что-либо в комнату. Если никого нет, девушки могут сами решить вопрос, вызывается кто-нибудь из студенческого сове-

та. В особо важных случаях в вестибюле служат председатель совета Михаил Абрамов.

Наш приход относился, видимо, и разряду «важных случаев», и звонок в вестибюль был предупрежден. Мы попросили Михаила Абрамова рассказать о том, как студенты начинают свою самообслуживание в общежитии.

Михаил улыбнулся.

— Лучше вам это посмотреть, — ответил он. — Пройдите по комната...

И он повел нас по лестнице

вверх. Мы поднимались с этажа на этаж, придерживаясь ободавшейся на стенах лестницы.

Но в комнатах и коридорах поблескивали тщательно натертые паркетные полы, скрипели хорошо привинченные стулья и комоды. Все в этих стенах говорило о приверженности хозяев и уюту и чистоте.

— Убрали помещение сами студенты, — сказал Михаил.

Лестница, ведущая восемьдесятю студентам, раньше содерялась целый штат нянь — уборщиц, уборщиц-полтергеры. И вот среди студентов, умевших виться на полу, говорили о том, что недурно бы убрать в мелкий ремонт свое жилье, чтобы не оставаться по-прежнему до тех пор, пока не заговорят об этом на областной конференции. И вот вскоре старшего студенческого совета института и председателя давайтесь передайте на самослуживание. И студентов горячо отклинулось на предложение.

Пришло время решить, что вместо вахтеров будут денкварты студенты. Составили список, учли появление новых групп, учли отъезды. На ночные дежурства назначали ребят, на дневные — девушек.

Все было сплошь согласовано. Студентов пророчили, что из этой затеи ничего не получится. Но опыт удалился. И вот в первом дежурстве даже бывшие сметчики неудомевают: зачем, собственно, держать вахтеров? Больше — студенты сами начали делать помывание собственными силами. В день «генеральной уборки» — а он проходил в первом дежурстве — «заселение» общежития, в мессе «переселение».

— Всех, — говорит Абрамов, — мы загнали в красные уголки, рабочие кабинеты — всюду безузников, пригороженных погородами.

— Успеха не имелось, — вмешалась в это отношение и чистоте, — говорит Михаил. — Кто-нибудь, конечно, будет вечно держать двери, — говорит заставят.

Постепенно шаг за шагом, студенты брали на себя все хозяйственные дела. Своими силами починили проводку радиосети, подняли на крышу, чтобы собрать на воскресенье и соорудить во двор спортивные площадки.

Сейчас студенты подумывают над тем, как улучшить условия в ремонте комнат. Ведь под руководством опытного строителя можно и стены подремонтировать, потолки побелить, и рамы покрасить. Зато осенью вернешься на учебу, войдешь в общежитие и с полным правом скажешь: «дайте ключи от

Уборка идет полным ходом.

Председатель студенческого совета Миша Абрамову жарко.

мой комнаты!» И будем прилично относиться к соседям, чтобы они, честно говоря, подонки чернокожие, не заселились.

Только вот надо решить, — говорит член студенческого совета, — что же делать с чистыми полотенцами, эпизодически используемыми для самообслуживания, передаваемыми в распоряжение студентов, которые, в свою очередь, за гастроэнтерит общежития, на покупку спортивного инвентаря.

По этому вопросу не только в текстологическом институте, но и в других вузах города, где студенты переходят на самоизделие.

Все больше и больше гостей приходит в общежитие текстологического, со спектаклем. Так же, как и мы с вами? Миша Абрамов по этикам, — придирайтесь трогают первую лестницу не ли на них, — говорит Миша Абрамов, — заходят в комнаты, дотошно высматривают, берут белье, бросают на кровати, — говорит:

— Да мы и сами видим, что делают, — говорит Миша Абрамов, — пронты! Пора студентам стать хозяевами в своем доме!

М. ДИМОВ

г. Ленинград.

Члены Коммунистического Союза Молодежи, участники Руйслинского похода, требуют прекратить полеты воздушных патрулей с грузом водородных бомб над Англией. На одном из плакатов надпись: «Янки, убирайтесь домой!»

Джон МОСС,

Национальный секретарь
Коммунистического Союза Молодежи Великобритании

О молодом поколении Англии все больше и больше говорят, пишут и спорят. Чуть ли не каждый епископ, генерал или судья, выступая с речью или давая интервью, считает своим долгом упрекнуть наше молодежь то за «дурную» манеру одеваться и «отсутствие» хорошего вкуса, то за «безнравственное» поведение и привычки. Но все, кому довелось общаться с молодыми людьми Британии на Московском фестивале — а их было 1 650 человек — могли убедиться в том, что у англичанских юношей и девушек те же манеры и вкусы, те же надежды и чаяния, что и у всей молодежи мира. Они также жаждут работы, в которой есть перспектива, также имеют возможности получить образование, жить в приличных условиях. Но прежде всего они желают мира.

Правда, приступы и пьянство среди некоторой части нашей молодежи продолжают расти. Но что можно ждать другого в государстве, которое посыпает

восемнадцатилетних юношей в Малайю, Кению и теперь на Кипр с заданием убивать? Кто убить? Денежные трубы были недавно раскрыты и расщеплены государственной комиссией по предательству интересов страны, бросают молодых рабочих обвинения в том, что они якобы не хотят трудиться, предпочитая вести праздный образ жизни. А между тем начистые на руках финансисты правили третий месяц в тысячах фунтов стерлингов на роскошные вечера для своих бездельничавших сыновей и дочерей во время так называемого лондонского сезона. И удивительно ли, что молодежь Англии не удовлетворена обществом, в котором рядом с роскошью процветает безработица, где постоянно осуществляется угроза ядерной войны?

Но, несмотря на все трудности, с которыми приходится сталкиваться молодому поколению Англии, оно жизнерадостно, полно энергии и оптимизма, и многие ищут реальных путей для решения волнующих вопросов. Молодых рабочих привлекают напря-

женная борьба отцов и братьев. Во всех забастовках, происходивших в последние времена, они стояли на первом плане со своими старшими товарищами. Эти братские солидарности проявлялись, например, в дни, когда бастовали рабочие-машинотехники, железнодорожники, а совсем недавно — лондонские автобусники.

Молодежь принимает все более активное участие в борьбе за мир. Это особенно характерно сейчас для студенчества. В университетах и колледжах разгораются бурные демонстрации. Широкую огласку получает проведенный недавно анкетный опрос в Оксфордском университете. Более половины опрошенных студентов резко осудили политику консервативного правительства, выступающего за развязывание ядерной войны. Специальный выпуск оxfordского студенческого журнала «Айзис», посвященный борьбе с водородной бомбой, размещал в своих двух номерах его призывы к миру, повторяя его призывы изданного позже журнала предлагавшие обвинение лидерам консервативной и лейбористской партий в том, что они «уклонились от ответственности перед народом своей страны». Когда питомцы Оксфорда

кто-то из «столов» этих партий назвал «солдатами в политике», студенты остроумно ответили, что лучше быть живым ослом, чем мертвый радионактивный лошадь. Даже авторам, выступившим в «Айзисе», придется теперь предстать перед судом из-за нарушения закона о разглашении служебных тайн.

Падая на сенсации прессы удостоила своим вниманием лишь оxfordский инцидент. Однако не меньшее значение имеют и события, которым происходят в других высших учебных заведениях Англии: университетах Лондона и Ноттингема в Лидсе.

На открытом собрании комитета защиты мира в Лидском университете против испытаний водородной бомбы было подано 304 голоса, за плащ Раппакоего об разования безатомной зоны в Европе — 324, против строительства ракетных баз в Англии — 263, за прекращение полетов над северной патрульной группой с грузом водородных бомб — 369. Членов комитета с присутствующими голосовали за переговоры на высшем уровне.

Массовые выступления студентов против угрозы ядерной войны принимают сейчас почти такой же раз-

Тысячи юношей и девушек приняли участие в Олдермастонском походе.

МОЛОДЕЖЬ БРИ

против атомного вооружения.

Молодые посетители Гайд-парка протестуют против испытаний ядерного оружия.

ТАНИИ БОРЕТСЯ

мак, как в октябре 1956 года, во время безумной сущей авиации консерваторов, когда улицах многих городов страны стояли демонстрации и митинги протеста.

В нашей печати очень слабо освещается жизнь и борьба рабочей молодежи. А между тем молодое поколение рабочего класса Англии начинает играть все более значительную роль в движении за мир. Даже консервативная газета «Дейли экспресс» в своем распуске антивоенные настроения молодых рабочих автомобильного завода Оксфорда, их требование — начать переговоры великих держав на высшем уровне, — вынуждена была признать, что «есть основания для глубокой опасочности».

За последние годы Коммунистический Союз Молодежи Великобритании и его печатный орган газета «Челлендж» организовали кампанию за немедленное сокращение срока военной службы и вывод английских войск из колониальных стран. Эта кампания во многом способствовала сплочению рядов сторонников движения за мир, особенно среди рабочей молодежи, а также успешному my проведению самой внушитель-

ной маргаской манифестации, организованной Коммунистической партией. Десять тысяч демонстрантов, среди которых было очень много юношей и девушек, отправились в Руисли, затем в Эльвинтон, Бэртонбридже и другие районы, где расположены американские военные базы.

Над бесконечной людской рекой колыхались транспаранты с лозунгами: «Запретите поэты американской боебомбардировщиков», «Долой ракетные базы», «Американские войска, убирайтесь домой!»

Сотни юных коммунистов приняли участие в этой манифестации. Их поддерживали молодые лейбористы и кооператоры, а в Лондоне к походу присоединилось довольно много молодых либералов.

Интересна дискуссия о роли молодежи в борьбе за мир развернулась на одной из конференций Британского фестивального комитета. Все сошлись на том, что великую битву за мир можно выиграть только при единстве действий английской молодежи, несмотря на различные политические и религиозные воззрения. И вот в один из весенних дней чуть ли не у всех станций лондонского

метро появились пикеты юношей и девушек. Они раздавали пропагандистские листовки, призывающие принять участие в походе в Олдермстон — научно-исследовательский центр атомного вооружения, находящийся в 50 милях от Лондона.

Четырехдневный поход в Олдермстон — это самое яркое проявление единства английской молодежи в борьбе за мир — состоялся.

Демонстрантов вдохновило решение Советского Союза о прекращении испытаний ядерного оружия, и они во время похода в один голос выдвинули такое же требование.

Коммунистическая партия Англии организовала 29 июня самую крупную после войны демонстрацию под лозунгом «За мир, труд, независимость». Великобритания, привычная к вещам Гринвича, в демонстрации принял участие 40 тысяч человек, в том числе, конечно, молодежь. Такие массовые мероприятия помогут объединить и поднять на благородную борьбу тысячи и тысячи юношей и девушек Англии, мечтающих прежде всего о мире и о прекращении самоубийственной подготовки к ядерной войне.

Эта семья, как и все простые люди Англии, выступает за мир, трезвый, честный мир, мирный небос. Платят, который несет молодая чета, требует прекратить производство ядерного оружия.

В песках Дахира

(Продолжение. См. № 13)

В прошлом номере мы начали печатать воспоминания бывшего солдата старой русской армии Василия Ивановича Иванова.

В 1915 году началась первая мировая война — царское правительство отправило Иванова вместе с тысячами других русских солдат в Антантический фронт.

Известие о Великой Октябрьской социалистической революции застало В. Иванова в Балаклаве.

Командование французской армии и изменившие родину — белые офицеры пытались завербовать Иванова в свою армию и привлечь его к борьбе на стороне российской контреволюции. Но это им не удалось. Русские солдаты требовали только одного: вернуть нас домой, в Россию.

Разыскиванные наездники, французские генералы и спрашивали, некомпромитно ли наатору в Альмир. Их запугали в пустыне и заточили в крепость Тебессу. В знак протеста против этого чудовищного произвола пленники объявили голодовку.

НАШ ПРОТЕСТ — ГОЛОДОВКА

Первый день голодовки — 4 марта — прошел спокойно. Мы сходили за водой, напились кипятка и легли на соломенные маты. Ранние по вечерам, когда спадала жара и вспыхивали звезды, в лагере пели и даже плясали под барабану, сделанную Василием Свищевым. Но этим вечером нарина зловещая тишина... На следующий день снова кипятили воду и новые маты лежали подставлены. Насколько слабость, склоняющая к кончине, голодная жизнь и сокращающаяся страха. Мы могли лишь изредка перебрасываться словами.

Голодовка сначала удивила тюремщиков; они не поверяли, что это — наша твердое решение. Но к концу второго дня французский гарнизон зашелся. Начались какие-то лихорадочные преготовления. Командир, вероятно, опасался, что мы будем требовать узников. Что могли слагать триста пятьдесят охранников с такой массой? Но третий и четвертый дни голодовки прошли так же спокойно. Через пять дней никто из нас не мог подняться на ноги. Мы ползали на четырехногах. За водой уже не ходили, а лежа передавали по цепочке котелки из рук в руки. В самый дальний конец этой цепочки уползали наиболее сильные и выносливые — спбрык Водолей и Тимур. На рожек стойких оказались и наши десельчаки Василий.

На шестой день вечером, когда мне подполз мой друг Михаил Власов. До службы он работал гречишком в Архангельске. Это был настоящий богатырь! Он свободно поднимал одной рукой двух человек, связанных солдатскими ремнями. Раньше, по распоряжению командира полка, повар выдавал ему двойную пищу едой, а хлеба Михаил получал втройне больше солдатской нормы. Но теперь и он сдался.

— Не могу, друг, — прошептал Михаил...

— Сил нет терпеть!

— Да ты что? — Я приподнялся на локте...

Ты что задумал?

— Хочу согласиться на любую работу. Или...

— Или я наложу на себя руки...

У меня поплыли круги в глазах, слова буд-

то застряли в горле... Собрав последние силы, я вцепился в грудь Власова и проговорил:

— Работать на этих сволочей?!. Лучше...

лучше удавись!

На мгновение я потерял сознание. Когда очнулся, почувствовал, что Михаил тянет меня за плечо.

— Ты что, Василий? — испуганно и виновато спрашивал он.— Не сердись... Я тебе, как другу...

— Не думать перестань! Выбрось из головы... Не броди по лагерю, лежи, не вставай. Легче будет.

Власов больше не заговаривал на эту тему.

Наступила седьмая день голодовки. По лагерю пронесся слух, что нам не разрешат брать воду. Солдаты, собрав остатки сил, стали запивать в землю фляги с водой.

В тот же день к нам в палатки ножковало начальство — седоусый полковник, пять врачей и два санитара.

Хватит голодать, — уговаривал полковник. — Вам ничего этого не докажут...

— Отправьте нас домой!

Полковник подошел к быкаму тульскому крестьянину Тюрину и спросил:

— Почему отказываетесь работать?

— У меня, зашее Благодарите, в Тульской губернии есть семья: жена и двое ребят. Вот такие карапузы... Тюрик жестом показал, хлеба у него в машине. Семье своих детей, конечно надо, а не нас. Вы слава Богу, мороженое не страдаете... А если во Францию не сядем, как вы, вша благодарите, как-нибудь

и без нас обходитесь.

Слова Тюрина избесили полковника. Он ударила солдата ногой в живот и ушел. В палатке остались врачи, человек очевидно, гуманитарий.

— Вопрос о посылке вас на работу во Францию снят, — признался он.— Надо есть, не то все умрете. Не забывайте, здесь почти тропический климат, температура застыра в один день не удастся счасти.

Так мы одержали первую победу. Головоруши решили прекратить и послать раздатчиков за хлебом. Но ни один человек не мог добраться с места. Стражники стояли самы разносить хлеб по палаткам — пятьдесят граммов на каждого.

— Не ешьте все сразу, — предупреждал он, — опирайтесь на хлеб.

Но мы не удержались, проглотя хлеб, даже не прожевав его. Это многим стоило жизни. Французские солдаты всю ночь выносили покойников из крестов. В безымянных могилах легли четыреста русских солдат. Они рвались на родину, но так и не увидели ее.

НОВОЕ ИСПЫТАНИЕ

После голодовки мы направлялись очень медленно. Нас держали на циновском пайке — сто пятьдесят граммов суррогатного хлеба вместо прежних трехсот и один раз в сутки французского супа.

Нам казалось, что нас оставили в покое, но через несколько дней снова выстроили на плану. Вдоль широкой прокладывались французские офицеры и опять убеждали нас под-

чинки анкеты, соглашаться добровольно работать во французских владениях.

Мы насторожились: в чем дело? Ведь французскому командованию было отлично известно о настроениях русских солдат, об их решимости бороться до конца красноречиво говорили массовая голода и четыреста могил.

Попытка уговорить нас пропала и на этот раз. Тогда «цивилизованное» сообщество полевогород, рукою чудесного мастерства ташкинского автора, подготовило множество ларьков с жареными; на залу у пленников повара стали жарить сосиски, ветчину, колбасу, бифштекс из баранины. Одурманявшие запахи разносились по всему лагерю, вызывая у истощенных узников бешеное желание есть.

Переводчики наперед засыпали отведать необыкновенные вкусные блюда. А плата за все это яства — сущий пустяк: только подпись на бумаге, обменив на них, расклешенные по лагерю, говорили: тех, кто западается на работе, будут ежедневно взводом кормить и поить красным яблоком.

Но и это испытание русские солдаты выдержали. Для нас оно кончилось трагически: один солдат сошел с ума. Французам пришлось убрать кухни.

Вечером по лагерю разнеслась волнующая весть: за свободу русских солдат, попавших в неволю, борется Ленин. Саш Ленин. Теперь стало ясно, почему французское командование, несмотря на все усилия, не могло нас заставить есть. Подпись солдат, оказывается, были нужны для того, чтобы доказать Советскому правительству, что мы добровольно остаемся во французских владениях, не хотим возвращаться в Россию и, стало быть, протестуем против новой власти, не признавшей ее.

Утром 20 марта 1916 года мы получили приказ снаряжать палатки и собирать пакеты вещей. Специальная команда из наших солдат отправилась в гарнизонный склад и вскоре возвратилась со связками нового обмундирования. Нам приказали переодеться. Длинные кирпичного цвета пиджаки с маклаками, карманами и такого же цвета широкие брюки на высоких каблуках на поясах. Все! Это решение последнее. Никаких жалоб и претензий командование принимать не станет.

Нас окружили конвоиры и погнали на станцию. Там уже стоял поезд. Затолкали в вагоны и сразу же заперли двери.

Так пять тысяч русских солдат превратились в белых рабов.

Куда нас везли, мы и на этот раз не знали. Ехали уже четверо步ок, почти не останавливаясь. Наконец, спустя, когда наши эшелоны възбрели по кругому пути, скорость с семидесяти километров в час снизилась до десяти. Справа от железной дороги мы увидели большой лагерь. Люди, одетые в такие же костюмы, как и мы, долбили скалы.

— Неужели наши? — спросил кто-то взволнованно.

Да, это были русские! Узнав нас, они устроились вдоль края платформы, сидя на краю лагеря железнодорожной линии. Кто-токричал: «Эй-ай!» Начались взаимные приветствия, посыпались вопросы: из какой мы части, откуда и куда едем? Охранники пытались отогнать наших соотечественников. Программело несколько выстрелов.

Вдруг вагоны днуло. Постепенно разкошнился сквозь скорость. Через несколько минут лагерь скрылся за поворотом.

Мы не спали всю ночь. Значит, мы не одни в Алжире. Сколько еще русских солдат страшает в Африке?

Утром эшелон прибыл в местечко Монивиль. Стояла пятнадцатиградусная жара. Солнце висело прямо над головой и невыносимо жгло нас.

Под конвоем мы пришли на площадь, где нас, оказывается, уже ждали. Здесь собирались хорошо одетые публика. Рядом стояли коляски, в которых приехали французские и испанские помещики-колонисты. Каждый из них пригнал в Монивиль несколько десятков пустых повозок, пред назначенных, как мы потом узнали, для нас.

Это был знаменитый монивильский рынок черных и белых невольников; цвет кожи в данном случае не имел сумасшедшей роли. Сюда съезжались колонизаторы, чтобы закупить для шахту рабочую силу. Сегодня здесь торговали нами, русскими солдатами.

Нас разбили на группы по тридцать — сорок человек и очипили охранниками. На площади установили несколько пулеметов. Офицеры с растянутыми кобурами следили за каждым движением пленников.

Мне запала в память такая подробность. Толстый француз в пробковом шлеме и белом костюме обещал меня со всех сторон, заставил согнуть руку, пощупал мускулы, похлопал по спине, как хлопают коня на базаре, и что-то сказал военному переводчику. Тот обернулся ко мне:

— Эй! Как тебе там?.. Отвечай, сифлис болен?

Я рванулся к переводчику. Если бы Власов вовремя не схватил меня, я бы вцепился в горло этому хаму. Помещики плонюли себя под ноги, что-то сказал переводчику, и они торопливо отошли.

Ко мне подсочкоши офицер.

— Ты, сволочь!.. Трэбунал хотеть? Молчать!

Навстречу офицеру шагнули Власов и Волокитин. Но в грудь им тотчас уперлись штыки.

К соседней группе солдат-невольников приблизился высокий человек в пробковом шлеме и легком белом костюме. Он играл стекло и ульялся.

— Не откажите в любезности, откройте рот, обратитесь он к одному из солдат.

Тот сжался, солдат растерянно смотрел на него и раскрылся рот.

— О, месье, мерси! Превосходные зубы! Я вас беру к себе.

Помещик небрежно, двумя пальцами, коснулся пробкового шлема и приказал одному из офицеров закрепить за своим именем обладателя превосходных зубов. Это был, видимо, очень знатный колонизатор, он выбирал лучшую еду. С этими словами он, не сказав ни слова, попросил другого русского солдата раздеться до пояса, но тот наотрез отказался.

— О, месье, напрасно... вежливо предупредил помещик. — Я вам не советую так поступать... И он поманил пальцем охранников.

Четверо дюжин молодцов схватили непокорного солдата, повалили и сдернули с него рубашку.

Совсем недавно этот русоголовый парень лет двадцати ходил в атаку на врага и, на верное, храбро сражался — два георгиевских

креста и три медали были прикреплены к его рубахе. Оскорбленный и униженный, он заикался от сознания собственного бессилия. Крупные слезы катились по его смуглому лицу, а помещик ходил вокруг него, опушивая мускулы и восхищенный щекой языком.

— Я беру этого горячего молодого человека, — сказал помещик, обернувшись к офицеру.

— Но, граф... — втревожился офицер, — смею заметить...

— О, благодарю, мой капитан, — ласково прокуря голос помещика. — Вы беспоконитесь о моей безопасности? Надеюсь, я правильно вас понял?

— Да, граф, вы право знаете русских. Они способны на все, если...

— Если их обидят? — договорил за офицера помещик и усмехнулся. — У меня есть отличное успокоительное средство. Уверяю вас...

Читатель может спросить, как можно узять, когда говорят помещик офицер. К тому времени я уже довольно хорошо понимал французский язык, но старался скрыть это.

Такая предосторожность часто помогала мне и однажды спасла жизнь.

Русоголового солдата будто одели и втолкли в группу уже отобранных помещиков. Парни даже не дали возможности взять свои вещи. Кто-то из товарищей бросил их через голову охранника, за что получил оглуху.

Покупая нас, помещики «вспоминали» французскую администрацию в Алжире более толко организовала стартровью русским солдатам. Помещики расплачивались с военным министерством, снабжая ближайшие воинские гарнизоны сельскохозяйственными продуктами. Каждый невольник обходился помещику баснословно дешево: два-три пуда винограда, питье — шесть бутылок вина и несколько килограммов необработанного табака — вот и вся плата за год.

Рисунок П. Пинникевича.

Я попал к помещику-испанцу Бюку, имевшему французское подданство. Это был здоровый мужчина с темной кожей и бледным лицом, которое он щадительно оберегая от зноя африканского солнца. Господин Бюк редко выходил из своих прокладных покоя, а если и случалось выйти,— одев широкополую шляпу, спущенную по особыму заказу.

Имянне Бюка находилось недалеко от местечка Дурвилья в восемидесяти километрах от города Бона. Помещик владел большими виноградными и табачными плантациями. На его земле паслись бесчисленные стада. У Бюка было множество рабов, и черных и белых.

Слова «раб» и «невольник», как бы дико ни звучали они в двадцатом веке, я употреблял без какого-либо преувеличения. Мы были рабами в полном смысле этого слова. За любую провинность надсмотрщики могли избить даже убить, а в донесении отметить: «Черт подери, рабынья не сочла нужным идти на гравиторную, причинив смерть».

В именинне Бюка нас пригнали к вечеру. Не покормили, разместили в конюшне. Мы так измучились дорогой, что сразу же повалились на грязный пол и заснули.

Ровно в пять часов утра зазвонил колокольчик. Трудовой день в именинне начался. Наскоро умывшись и выпив кружечку жидкости, чём-то напоминавшей кофе, мы запряглись в повозки с бочками и ящиками, полными виноградных листьев, пахнущих какой-то жидкостью виноградных кустов. За каждым нашим движением следили надсмотрщики, а их приложение, в свою очередь, проверял управляющий именем.

К полуночи температура воздуха поднялась до пятидесятиградусов. Пот заливал лицо, но надсмотрщики не давали ни минуты от духа.

— Лентяи! Привыкли в своей Рязани пропахивать виноградные отходы и скотину. Кто послал надсмотрщиков несущими русским фразам и рутатствием, измученными особенно отвратительностью в устах этих холуев?

Работали мы до десяти часов вечера. Перерывы устраивались только в том случае, когда приходилось менять бидоны с жидкостью. Эти бидоны мы взваливали на спину и ходили с ними по бороздам, опрыскивая каждый виноградный куст. Каждый весил тридцать пять килограммов. Часам к двум для спасения я уже не чувствовал.

На обед — он продолжался не более получаса — давали фасоль и лебёльский хлеб. Голод нас мучил постоянно.

С наступлением ночи наши страдания усиливались. Сразу же после захода солнца откуда-то выползали москиты, похожие на наших комаров, только размазаннее. Счастли от них могла только сетька, но такая роскошь была не для нас.

Тем временем в Жара все усиливалась. Моя товарищина одного из другого сваливали тропическая мальдива. В начале мая заболели десять человек. Их отправили в Бон, где они вскоре и умерли. Сотня русских солдат таяла на глазах.

Когда виноград стал спускаться, на нас навалили новую работу. Виноградные листья и гроздья нужно было начинать посыпать серой. Серная пыль попадала в глаза, люди стали слепнуть.

«Прошуите! Неужели нет выхода? Неужели погибнем в Алжире, как собаки? — думали мы.

Не раз приходила мысль о побеге. Но куда бежать? И как? По железнодороже выехали невозможно: схватят немедленно. Пробираться пешком — наверняка погибешь без единой копейки денег, в катаржанском костюме, почти не зная языка, местности и даже нужного въездного удостоверения. Положение казалось безвыходным.

У помещика Бюка было два сына: Альберт и Люсиен. Старшего, Альбера, мы видели редко, но зато младший, Люсиен, не давал нам покоя. Особенно он почему-то незвездил меня, бесконечно придрялся и издавал надо мной.

— И как тебе только земля носит? — не вытерпел, сказал я однажды по-русски.

Барчук не понял смысла слов, но, очевидно, по тому речи, по выражению моего лица догадался. Выхватив револьвер, он заставил меня идти к нему, куда сваливали всю нечисть, все отбросы. Угрожая оружием, забесцвивший барчук приказал взять воду и выносить омерзительную жижу в поле.

Люсиен с револьвером в руках издал сигнал, и каждым моим движением. Сил моих хватило только тащить тело. Я потерял сознание и очнулся уже в бараке: товарищи подобрали меня около барака.

Вскоре нас перевели в виноградные плантации на рытье канав для воды, подаваемой из артезианского колодца. При пятнадцатиградусной жаре да еще при нашей истощенности рыть землю было очень трудно. Как-то, совершившись выбившись из сил, мы присели передышнуть. Вдруг откуда ни возьмись Люсиен — «Погоди», — заорал он. — Как вы смели бросить рабочий!

И начал стегать нас пистолетом. Им, словно по команде, бросились на изверга с мотыгами. Люсиен так перепугался, что, забыв о револьвере, убежал.

После этого инцидента наши команды передавали к другому помещику — землеморю магнату Далезу, тому самому везжальному господину, который покупал русских солдат в Мон-де-Годи, осматривая их, как лошадей на конской базаре.

МЫ ЗНАКОМИМСЯ С АЛЖИРЦАМИ

Колонисты Далеза называли «виноградный король» или просто «король Далез». Богатство его состояло не только из тысячи гектаров виноградника, круглый год производившего арабские скакунов, стала рогатого скота и большие птичники. Он имел крупнейший и Алжире фруктовый сад, в котором выращивались пальмы и жандармы с пистолетами в руках.

Был полдень. Как всегда, неизменно палило солнце, и виноградные ветви, вращаясь, посыпались за своими товарищами. Жандармы налетели на них со всех сторон и начали сечь пистолетами. Стальной наконечник попал одному из невольников в глаз. Раздалась душераздирающий крик. Жестокость жандармов потрясла нас. Власов, Волокитин, Тарнин, я и еще несколько русских бросились на помощь арабам, но кто-то из жандармов предсторегающие края и вспомнил, что это за люди, вспыхнули кровью. Нам пришлось отступать.

В тот же вечер мы случайно познакомились со стариком-арабом, имя которого мы память, к сожалению, не сохранила. Он поведал нам страшную историю.

— Я тридцать лет работал на здешнем винном заводе, — рассказал старик. — Мы не картараже, считались свободными людьми, но платили нам всегда так мало, что на зарплаты хватало лишь на то, чтобы кое-как прокормить семью. Однажды нас избили, только не перестали пакостить. Были среди нас один смуглый человек. Он сказал: «Хватит терпеть. Мы должны бороться». И мы выступили. Переярвали телефонные провода, стали укрепляться. Ни мэре Далез перехватил нас у него оказавшийся скреткой телефон, изложенным под землей, и он тут же позвонил окруж. Через полчаса прискакали жандармы, но учитель нам народу, а также старик, мэр нас не учитель, — сказал он многое. Тогда мэр Далез передал через своего слугу, что принимает наши предложения, увеличит наш заработок и со дня выхода на работу будет вполне прилично платить. Мы поверили. Вообще народ наш отходчивый. Но мэру задумал черное дело. Когда мы явились на завод, управляющий принял нас вместе бусы босые из-под вина в подвале. Мы конечно, выполнили приказание, а когда спустя час в подвале жандармы двинулись на нас, мы схватили дубинки и бросились в них. Все девяносто человек погибли. Одни я выбрасывал из бутыл, выполз по трубам... Потом я сказал, что в этом для боли и ничего не знаю о винограде. Иначе мне бы не жить на свете: такие свидетели у нас долго не ходят по земле.

Старик помолчал, а потом, утирая слезы, сказал:

— Мэре Далез — человек, у которого нет сердца.

— А другие лучше? — спросил Василий Синицын.

Старик поднялся на него печальным взглядел, встал и, тяжело ступая, побрал в свою конуру, где он, однокий и больной, доживал жизнь...

ленный колодец: «Пейте, погодите, пейте сколько хотите!» Офицер поблагородил от злости и закричал, потрясая кулаками: «О, варвары!» Через три дня отравители поседели. На пять сутки умили преселы воды. «Пейте, господи. Это хорошая вода», — сказал араб, подносящий чашу, и отныне несколько глотков... Всех солдат берберы отпустили, сняли пинции и водки. Специальный конвой сопроводил их в город, где генерал-губернатор приветствовал арабов. На прощание солдаты сказали: «Идите с миром. Мы люди свободные и никого не лишием свободы». Рассказывают, будто бы солдаты стали передавать эту историю и уст в уст. Об этом узнали французские командование и расстреляли почти всех очевидцев, обвинив их в «преднамеренной агитации в пользу врага»...

Наша жизнь во владениях «короля Далеза» была сплошь и беспросветна, но жизнь арабов еще хуже.

Надсмотрщики старались держать нас подальше от арабов, опасаясь, вероятно, что мы «заранее их большевизмом». Но однажды нам пришлося работать рядом с катаржанами-алжирцами. Они обрезали виноградные ветви. Желанные же желуди напоминали ожесточенную ружейную перестрелку. Двести человек двинялись лавиной, а за ними по пятам шли жандармы с пистолетами в руках.

Был полдень. Как всегда, неизменно палило солнце, и виноградные ветви, вращаясь, посыпались за своими товарищами. Жандармы налетели на них со всех сторон и начали сечь пистолетами. Стальной наконечник попал одному из невольников в глаз. Раздалась душераздирающий крик. Жестокость жандармов потрясла нас. Власов, Волокитин, Тарнин, я и еще несколько русских бросились на помощь арабам, но кто-то из жандармов предсторегающие края и вспомнил, что это за люди, вспыхнули кровью. Нам пришлось отступать.

В тот же вечер мы случайно познакомились со стариком-арабом, имя которого мы память, к сожалению, не сохранила. Он поведал нам страшную историю.

— Я тридцать лет работал на здешнем винном заводе, — рассказал старик. — Мы не картараже, считались свободными людьми, но платили нам всегда так мало, что на зарплаты хватало лишь на то, чтобы кое-как прокормить семью. Однажды нас избили, только не перестали пакостить. Были среди нас один смуглый человек. Он сказал: «Хватит терпеть. Мы должны бороться». И мы выступили. Переярвали телефонные провода, стали укрепляться. Ни мэре Далез перехватил нас у него оказавшийся скреткой телефон, изложенным под землей, и он тут же позвонил окруж. Через полчаса прискакали жандармы, но учитель нам народу, а также старик, мэр нас не учитель, — сказал он многое. Тогда мэр Далез передал через своего слугу, что принимает наши предложения, увеличит наш заработок и со дня выхода на работу будет вполне прилично платить. Мы поверили. Вообще народ наш отходчивый. Но мэру задумал черное дело. Когда мы явились на завод, управляющий принял нас вместе бусы босые из-под вина в подвале. Мы конечно, выполнили приказание, а когда спустя час в подвале жандармы двинулись на нас, мы схватили дубинки и бросились в них. Все девяносто человек погибли. Одни я выбрасывал из бутыл, выполз по трубам... Потом я сказал, что в этом для боли и ничего не знаю о винограде. Иначе мне бы не жить на свете: такие свидетели у нас долго не ходят по земле.

Старик помолчал, а потом, утирая слезы, сказал:

— Мэре Далез — человек, у которого нет сердца.

— А другие лучше? — спросил Василий Синицын.

Старик поднялся на него печальным взглядел, встал и, тяжело ступая, побрал в свою конуру, где он, однокий и больной, доживал жизнь...

ВОСКРЕШЕНИЕ ИЗ МЕРТВЫХ

Прошло лето. Работа на виноградных плантациях кончилась. По взаимной договоренности колонизаторов нас перевели к помещику Газану, на полях которого к тому времени сполна пинчила и фасоль.

Наша группа уже значительно поредела: во

владениях «короля Далеза» умерло пятьдесят человек. Нам даже похоронить их не пришлось. Чуть было не отправился на тот свет я. Вымысел, конечно, чудом, можно сказать, скрылся из мертвых.

Работая на плантации, я как-то напился ходкой воды. Через три часа горло мое словно клещами сдавило — не мог ни есть, ни пить, а к вечеру и совсем свалился. Меня отправили в Бон.

Всю ночь я бредил и очнулся только утром. Голову будто синцом налили. Огледелся и долго не мог понять, где я и что со мной.

— Так что, браток, оглядываешься? — спросил сосед по койке, тоже русский солдат. — Господи, батю! — И мрачно пошумил: — Переадреса в тот свет... Диля, а не госпиталь, прости господи!

Действительно, более мрачного помещения я в жизни не видел — низкие потолки, ободранные стены, грязные простыни, духота, трупный запах.... Оказывается, я попал в лебедину для алжирцев. Мы, русские солдаты, уже не принадлежали к «вымышленной расе»!

— Большевики могут подыхать и в этой комнушке, — бросил мне один из французских офицеров, посетивший «госпиталь». — Все равно скоро всех вас перевешают...

Утром пришел врач. Резким голосом он приказал медсестрам приподнять меня. Осмотрев мое горло сквозь крохотное стеклышко, равнодушно сказал:

— Морф!

Он думал, что я не знаю языка, но понял: смерть! Врач распорядился перевести меня в палату для умирающих.

Меня тут же выволокли, бросили в дальний угол еще более жуткого помещения.

В «смертельской» я, наверное, сразу же потерял сознание. Очнулся ночью прохрипел:

— Боди!

Мой голос прозвучал одиноко, глухо. Повторил просыбас. Синяк тянулся к глазам. Вздохнул, кто-то досадился на него палец. Вздохнула, кто-то досадил на него палец. Он выпустил фитиль факира, поднял его и приложил палец к губам: «Тише!» Передо мной стоял старик-алжирец с длинной седой бородой, одетый в больничный халат.

— Вы можете двигаться? — скорей догадалася, чем показал я его слова, сказанные на ломаном французском языке.

Я доверчиво протянул ему руки. Старик лаковски взял их, осторожно поднял меня, положил мою руку на свои плечи и, крепко обняв за талию, повел в глубь темного больничного сада. Я дышал с трудом: воздух был зноним и тяжелым. Через каждые десять — пятнадцать шагов мы отдахли. Наконец добрали до беседки, где стоял круглый стол и не сколько плетенных стульев.

— Друг! — прощептал старый араб, уложив меня на стол. Ты должен делать все, что я тебе скажу. Я хочу спасти тебя. Слышишь? Я молча кивнул.

— Открой рот, — сказал старик.

Он плюснул мне в горло на пузырька какой-то душистой жидкости и тут же стал выжимать сок из апельсина и лимона. Рот мой был полон, но проглотить я не мог.

— Глотай! — сурово приказал старик. — Глотай — или смерть!

Огромным усилием воли я сделал глоток и тут же потерял сознание. Очнулся только под утро в «смертельской». Около меня сидел старик-араб и улыбался. Дышалось легко, свободно, я даже не чувствовал жара. Старик, путая арабские и французские слова, рассказывал:

Я санитар. Работаю здесь. Усыпляю от сестер, что какого-то русского опять отнесли в «смертельскую». А что за болезнь, никто из них не знает. Врачи у нас ненавидят коммунистов. Ты ведь коммунист, да?

Я промолчал. В партии не состоял, но скажи об этом честно, старик, наверное, отгорчился бы. Правда, и спаситель не повторял вопроса, думая, вероятно, что я храню втайне свою партийность.

— Есть у меня сестра-француженка, — продолжил старик. — Ее звали Валерия, соответствует национальности народу. К ней я и обратился. Справшивал, что с русским? Она ответила, что у тебя неизлечимая горловая болезнь. Неназначимая! — Старик усмехнулся. — Сколько я на своем веку вылечил от нее людей! Спасал и заших, русских.... Теперь ты быстро поправишься. Я попрошу Жаннете, чтобы она помогла тебе уйти отсюда.

Он встал.

— Что за лекарство, отец? — спросил я. Старик довольно погладил бороду и сказал:

— Слава аллаху, такое лекарство можно легко достать.

Он рассказал, что влил мне в рот виноградный спирт крепостью около ста градусов, а потом добавил лимонный и апельсиновый сок. Когда нарывы лопнули, он повернул меня лицом к губам. Я потерял много крови, но все-таки жизнь моя была спасена.

Врач, увидев «смертьника» живым и здоровым, был удивлен. Он напустился на сестру Жаннете, женщину лет тридцати с очень милым и добрым лицом. Та, внимательно выслушав, пристально посмотрела на меня в глаза и сказала:

— Может быть, прикажете его живым закопать в могилу?

Врач вышел, хлопнув дверью.

— Боже! Какая ненависть к большевикам! — с возмущением сказала сестра. — Готов

на любое преступление... Омерзительно!... И вспыхла вслед за доктором.

Ни врач, ни сестра не подозревали, что я понимаю их. Через неделю мне снова довелось стать свидетелем стычки между ними.

Сегодня же выписать большевику! — властно бросила врачу Жаннете.

— Но, месье...

— Никаких «но»! Вопрос согласован и решен. Сегодня же! — И, не желая слушать возражений сестры, выскочил из палаты.

— Я сейчас же пойду... Это — преступление! — заметилась Жаннете.

— Мадам, одну минуту, — заговорил я по-французски. — Проси час. Не нужно! Я уже тут.

Сестра изумленно посмотрела на меня, помахала мою рукой и заговорила каким-то умоляющим тоном:

— Пожалуйста! Очень прошу вас, месье! Не думайте плохо о нашем народе. Этот зверь ненавидят русских. Ненавидят и большевиков и коммунистов. Ему есть за что ненавидеть. Ещё отец — фабриканец. А сынок во время отсиживается в колониальной Африке. Даже орден получил, скволовы!

Жаннете оглушилась и, понизив голос, спросила:

— А вы, месье, большевики или коммунисты?

Я рассмеялся. В то время я сам-то не знал, разбрался в таких тонкостях, но показать свое невежество мне не хотелось.

— Я большевик и коммунист, мадам Жаннете...

— О-о! — уважительно подняла брови сестра. — Я так и подумала. Что-то в вас есть такого!

Жаннете наклонилась к моему уху и тихо сказала:

— Я очень люблю вашего Ленина! — Для убедительности она положила руку на грудь.— Ох, и это одна. Так и знаете!

— Я скажу руку Жаннете и разстреляю ответила по-русски:

— Спасибо, родная...

Жаннете приложила палец к губам и удалилась.

Отстоять меня перед начальством ей, видимо, не удалось. Утром я был выписан. Во дворе уже дождался солдат-конвой. К сожалению, ни с Жаннетой, ни с монсieurом спасителем — стариком-алжирцем — мне не удалось простились: солдат просто вытолкал меня из больницы.

С тех пор прошло сорок лет, но я с глубокой благодарностью вспоминаю и о Жаннете и о старике-алжирце.

(Продолжение следует.)

Литературная запись

А. ПЕРШИНА.

Мастера водного поло

Текст мастера спорта

Б. ЧЕРНЫШЕВА.

На бортнике бассейна выстроились ватерполисты Московского государственного университета. Крепкие, загорелые ребята, одни к одному. Сейчас раздастся свисток судьи, и они прыгнут в воду. Но прежде чем начнется спортивная борьба, познакомимся с историей команды и ее игроками.

Команда существует всего пять лет, но в ее «биографии» есть уже немало интересных, волнующих страниц.

Декабрь 1955 года. Внимание многочисленных болельщиков привлекено к последнему поединку участников первенства страны по водному поло. Решается судьба третьего места. Студенты играют с командой Центрального спортивного клуба Министерства обороны. Никто из знатоков не сомневается в победе армейцев—чемпионов прошлого года. Но в решающий момент на промежуточном мяче что-то могли предвидеть даже самые искушенные любители водного поло. Молодость и неудержимое стремление к победе одержали верх над опытом и мастерством: семеро дружных из университетской команды обыграли чемпионов. Владимир Рашидзянки дважды забросил мяч в ворота армейцев,

которые защищали лучший вратарь страны Борис Гойзман.

Этот матч особенно памятен потому, что каждый из победивших соперников завоевал в тот день звание мастера спорта.

Перевернем еще одну страницу...

Знаменательной для команды явилась встреча с венгерским ватерполистами клуба «Бащаш», среди которых были прославленные спортсмены — двукратные чемпионы Олимпийских игр чемпионы Европы Иштван Сиваш и Кальман Маркович. Шла напряженная борьба. В середине второго тайма студенты добились небольшого перевеса. Но вот судья назначает четырехметровый штрафной бросок в ворота московской команды Бориса Ильиня. Угадывая направление броска и блокируя паркету трубычатый мяч, Венгры теряют последние шансы на успех и проигрывают...

Пожалуй, каждый из ватерполистов МГУ мог бы вспомнить множество таких острых моментов, полных волнения и спортивного энтузиазма. В этой дружной команде всегда неудача одного глубоко опечала всех, и наоборот, успех, достигнутый любым

из игроков, радовал и воодушевлял каждого.

В команде выросли игроки, многие из которых пользуются теперь всесоюзной известностью. Так, например, лучший полузащитник сезона по праву считается Вячеслав Куреннов. Надо, однако, сказать, что мастерство пришло не всеми из сразу. На его пути встречались и трудности и ошибки. Увлекшись спортом, он одно время перестал готовиться к занятиям. Одним словом, ему вскружила голова спортивная слава. Но друль впервые заметили «блефы» Куреннова. Всю команду привлек горячее участие в судьбе товарища, каждый из которых был уверен, что помочь и Вячеславу через некоторое время удалось наверстать упущенное. Сейчас он учится не хуже других и сожалеет о том, что причинил столько хлопот команде и особенно ее бессменному тренеру, заслуженному мастеру спорта Андрею Юльевичу Кистяковскому.

Правда, случалось и другое. Не всегда удавалось коллективу команды вовремя предстечь товарищу от неверного шага. Приведу хотя бы один пример. Два года назад, имеющей на ученическом 9-го классе одной из московских школ Володя Семенов. Этот семнадцатилетний юноша удачно выступил в играх и сразу стал мастером спорта. В порядке исключения он был принят в нашу коллекцию еще не будучи студентом. Быстро росло спортивное мастерство Володи. Уже в 1957 году он играл в основном составе сборной ССРС на III Международном турнире юношеских спортсменов, а затем в составе сборной ССРС на кубок Италии в Загребе. К сожалению, и с ним произошло то же самое, что в свое время с Вячеславом Куренновым. Но кончились эти горьзды хуже. Опытный спортивный победитель, Володя перестал посещать школу, бросил 10-й класс. Когда товарищи сплотились, уже было поздно. Семенов предпочел выбрать самый легкий путь. Он отказался от предложенной ему помощи и перешел в другую команду ветеранов.

К счастью, подобные факты являются исключением. Нет сейчас среди молодых игроков такого студента, который оставил бы в учебе. Переокружники берут пример с ветеранами прошлого поколения. Мастер спорта Виктор Калядин в прошлом году защитил диплом и сейчас работает в научно-исследовательском институте. Стал недавно инженером Вадим Борисов. Тотчас же защищил диплом, поступил в институт — мастер спорта Алексей Мусатин и Геннадий Малышев.

Опытный мастерство растет достойным смена. Все лучшие спортивных результатов добиваются студенты-геологии Владимир Семёнов и Лев Кондратов, химики Анатолий Панчин и Анатолий Маврик, физик Геннадий Смирнов. В дни сессии, когда у студентов была самая горячая пора, они, не взирая на засуху, несли ведро за ведром воды в бассейн, чтобы под наблюдением тренера совершенствовать технику и тактику игры. Оказавшись после первого круга чемпионата страны в лидирующей тройке, команда упорно готовится к новым спортивным встречам. Самые трудные испытания впереди!

«АДРЕС ИЛЬЧА»

Июльские дни 1917 года. Получен приказ арестовать В. И. Ленина, ищейки Временного правительства днем и ночью раскаивают Петровский дворец. Пицера привезла Ильчика у себя на квартиру, делают все, чтобы сохранить жизнь любому врачу.

На экране возникает типичная уличка рабочих окраин Петрограда. В стороне от дороги, окутанные вечерней мглой, стоит покосившиеся хибарки. Невдалеке виднеются смутные очертания моста. В черной воде канала тускло мерцают отражения редких огней. Тихо. Безлюдно. Но вот чьто-то темнота мелькнула за домом. Притаившись в сарае, Ильчик наблюдает за маленькой группой. Это сын петербургского рабочего Андрея Решетникова и его другов Васька. Случайно узнав о том, что жизнь Ленина в опасности, мальчики решают помочь старшим найти надежное укрытие для Ильчика.

В острых, захватывающих сценах показана самоотверженность ребят, пронзывающих трогательную заботу о человеке, чье имя с такой любовью произносится

каждый рабочий в их старом заводском квартале.

Напряженность действия начинает нарастать после того, как во дворе, где живут Решетниковы, под видом рабочего приходит секретарь агентства охраны пропавшего Звонкова. Он заявляется доверие рабочих, которые принимают его за своего человека, и вымывает у них их заветную тайну. Звонкову все же не удается выдать Ленина юнкерам, но они арестовывают Решетника. И тогда в подпольную революционную работу активно включается Андрея. Он помогает товарищам отыскать вестя борьбу с юнкерами и в частности с разоблаченным Звонковым.

В захватывающей фильме рабочий Незванов приводит Андрея в переполненный актовый зал Смольного, и тут мальчик впервые видит Ленина, произнесшего знаменитые слова о победе Великой Октябрьской социалистической революции. Ленин появляется в фильме всего несколько раз, но присутствие Ильчика с волнением опущаешь с первых же кадров. Ибо

Кадр из фильма «Адрес Ильчика». Адрианов — Борис Васильев, Вася — Коля Мельников.

все, что происходит на экране, связывают с ним, с его геройской жизнью.

Кинокартину «Адрес Ильчика», сняющуюся на студии «Ленфильм», постановщики решили посвятить 40-летию Ленинского комсомола. И это понятно. Ведь юные герои киноповествования принадлежат к поколению первых комсомольцев, которое с оружием в руках защищало молодую Советскую республику.

Б. ЗОРИН

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

«НАСТОЯЩИЙ СОЛДАТ»

Большие подвиги не проходят бесследно. О них помнят народ, им подражают, о них слагают легенды и песни.

В 1948 году, когда войска Китайской Народно-освободительной армии вели бои за город Лунхуа в провинции Жэхэ, совсем еще юный боец Дун Цунь-жуя поднял знамя, чтобы возвратить аракеский дот. Много прекрасных песен и стихов склонили о герое, много создали картины и скульптуры. В театрах Китая идут пьесы о Дун Цунь-жуе. Коллектив Чанчуньской киностудии поставил фильм «Поводы», которым завоевал широкую популярность.

Авторы сценария фильма — молодые писатели Дун Хун, Чжоу Хуань и Дун Сю-Хюо — написали и книгу о Дун Цунь-жуе — «Настоящий солдат», которая неоднократно переведена на различные языки и выпущена Воениздатом.

Дун Цунь-жуя — не выдуманный герой, это живой человек, с его горами, раздумьями, заблуждениями и маленьными победами над самим собой. Героическая народно-освободительная война, рассказы о храбости и отваге солдат, волнующее слово «коммунизм», ставшее в народе символом самого большевизма, — сколько же все это было лучше смысла в душе мальчика, он старался быть честнее, строже к себе, смелее. Обо всем этом хорошо рассказано в книге. Особенно радует умение молодых авторов находить убедительные художественные детали. Как символично звучат, например, такие строки: «Маленькая рука Дун Цунь-жуя почти попутала в огромной ладони Ван Пина. Мальчик посмотрел на бойца, и ему

показалось, что его друг теперь уже не такой высокий и большой, каким он был, когда они только что встретились, и что он сам тоже немного подрос за этот день».

Муки и разрушения, которые неслышили раньше, начали испытывать захватчики, а потом гоминидские бандиты, рождались в сердцах воинов-патротов жгучим вспышкой крагам отчизны. Уже будучи в армии, Дун Цунь-жуя одежду «угостили» чашкой чайного мальчугана... Схватки, черными, как земля, руничками кузыча!, мальчи наросли на рис на такую жадность, словно болея, что ему не хватало места, и, уединившись с этой, он исподволь посмотрел на Дун Цунь-жуя своим круглыми черными глазенками и, как большой, спросил: «Скажи, а черти выше уже не вернутся?». Эти слова долго эхали в ушах Дун Цунь-жуя, и он был полон решимости отомстить «чертям» за все их злодеяния. Такими же помыслами живут в повести и боев Ли Чжэн-ди, погибший при выполнении боевого задания, и лучший друг Дун Цунь-жуя — Чжи Шуон, героически сражавшийся с врагами и не боявшийся смерти.

Много вдохновляющих сцен избавляет читателя в этой книге. Вот Дун Цунь-жуя выносит из огня дерево, вот бойцы входят в родную деревню одного из своих товарищей, дотла спаленную врагом, и видят одиночку, чудом уцелевшую цветущую яблоню...

Не сразу слал «настоящим солдатам» Дун Цунь-жуя, много раз он ошибался, прежде чем научился «настоящему» солдату: с собой, наставляемым солдатом и доблестным знатком военной жизни. Герой погибает, взрывая вражеский дот. Трагична сцена его гибели, но она не затмевает общего оптимистического звука повести.

Имя Дун Цунь-жуя стало легендарным. Просто и поэтично говорят об этом авторы книги: «Когда увидели мальчика, кто такой Дун Цунь-жуя и почему этим именем называли их школу, им показывают на самую яркую звезду в небе и говорят: «Дун Цунь-жуя — это герой, который отдал свою жизнь за счастье народа, за счастье простых людей, за то, чтобы мы с тобой жили хорошо, чтобы все дети Китая могли учиться, чтобы у нас не было голодных и нищих детей». Эта звезда зажглась как раз в тот вечер, когда он погиб, и люди считают, что это светит его сердце».

Книга, несомненно, получит признание советского читателя.

С. МАРКОВА,
кандидат филологических наук.

Это хорошо понимает ленинградская комсомолка Катя Федорова, недавно окончившая ВГИК и работающая теперь вbrigade мальчиков при тресте № 2 Главгидропроекта. На рисунке мы видим ее за отдельными работами в атюкте, за которым она сидит на стуле. Главная (Гипроспецгидропроект). В нынешнем году Катя Федорова получила нагрудный знак «За отличную работу». Катя Федорова с гордостью может сказать, что ее работы находятся на Суровцовском институте на естественной и ее благородного труда.

Сейчас Катя работает на других строительных объектах в подмосковье, которых заменяет на строительной улице она всегда желанный гость. Катя принимает активное участие в работе института, организует самодеятельность института. На снимке мы видим Катю Федорову на кон-

Желанный гость

Прокладывать в землю новые дороги, покорять неизведанные районы, строить новые гидроэлектростанции — так это наполовину боевыми и по-своему величественным одессыми. ГидроПланета, находясь в центре города, стала для второй пешеходной, стараясь обойти стороной, разбитой осколками земли, трещинами в асфальтном газоне, построить швейцарский клуб, болтаться тем самым, как будто улучшил бы людей так же жизненно необходимо, как поднимать подобные и замыкающие мощные гидроэнергостанции.

шерте в том же атюкте заработала, где она не так давно работала в качестве мальчика.

Фото Б. Болтинского.

УЛЫБНИТЕСЬ, СНИМАЮ!

Рисунки А. Зубова.

Первая страница обложки: На водных лыжах. Фотограф В. Тюникоя.
Четвертая страница обложки: «Дорога на небо». Настяль В. Урина.

НОЧНОЙ РАЗБОРНИК

Неподалеку от ночной столицы — Баку расположена колония серых цапель. Их большие прутьевые гнезда, вроде кирпичных шашек, громоздятся из сажевых ветвистых сучьев.

С утра до ночи цапли летают на обширную пойму Приневской низменности.

Вечерами, после дневных забоев, десятки голенастых цапель садятся на ветви, покидающие края кипучих каштановых сучьев, образуя поистине сказочное зрелище.

Птицы, блестящие в лучах заходящего солнца, поклоняются на серебристые ветви.

Однажды ночью, выйдя из спальни, я услышал чистый, пронзительный крик. Голубиные скрипичные голоса слинялись в сплошной шум, подогреваемый бурлящим ветром. Я разбудил лесника Симанти. Принявший и уху задорно, он приподнялся и прокричал:

— На гнездовье напал кто-то... — сказал он. — Скорее туда...

Захватив с собой ружье, мы побежали к сосновым Приисковым сосновым лесам. Там, точно черные тени, кружились над деревьями. Птицы, спасаясь от нас, разглядывали виновника птичьего тревоги. Симанти выстрелил в воздух, и вспышка сразу утих, и оттуда-то сверху нас послышались об阅览ии сущих. Птицы, испуганные, царились ветвями по коре и почты неслышно спрыгнули на землю.

Птицы окончательно успокоились. Начало светать. Желтоватое переполохнувшее мы с Симантиком принялись искать гнезда.

Гнезда вдруг восклинули лесники, осторожно подползли за краем один за другим, чтобы увидеть, что это.

Груда птицы сильно кровожадна, особенно в местах с первыми синевами на драме кожа.

Странно! задумав Симантиком подумав немного, сказал: — А знаешь что? Цапли пытались защитить гнездо от этого чудовищного ночного разбойника.

Но какой же это может быть?

— Наберись терпения, учишься — познакомиться с людьми.

С наступлением темноты мы с ружьем наготове сблизились к цапле. Но вдруг в четверть часа «птичий город» начал беспокоиться. Груда машинально разбралась, отправилась в лес, неожиданно разразилась громкая тревога.

Но вскоре тишина утихла на востоке. Ветер утих, и в синем небе засиял полный луны.

Осторожно, ничего не видя, свою руку я сунул в карман и снял под одну юбку, в лесе под другую. Прошло час, час и четверть, и я, несмотря на то, что я привык к темноте, не притягивал цапли. Тревога. Но тут же программа выстрела. И вместе с сумкой с определенными карточками на землю упало что-то тяжелое.

Я поднялся, подобрал в леснице и чиркаючи спичкой. При свете вспыхнувшего огенька мы увидели в траве пятнистую птицу, сидевшую на земле, с кисточками на ушах. Перед нами лежала материальная икона — рябь.

П. СТЕФАРОВ
г. Сумы.

Рукописи не возвращаются.

Главный редактор М. А. Величко.

Оформление В. Урина.

Адрес РЕДАКЦИИ: Москва, д. 47, 1-я улица Ямского поля, 28. ТЕЛЕФОНЫ: Секретариат — д. 3-34-24. Отделы — рабочей молодежи, литературы и искусства — д. 3-31-68, студенческой молодежи — д. 3-35-24, очерка и публицистики, физкультуры и спорта, информации — д. 3-36-60, писем — д. 3-31-69, оформления, иллюстраций — д. 3-33-22.

А 05487. Подписано к печати 14/VII 1958 г. Тираж 450 000 экз. Инд. № 871. Зона № 1569. Формат бумаги 70×108½. 1,75 бум. л.—4,8 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

НЕОБЫЧНАЯ НАСЕДКА

Зайдя вчера в сарай за дровами, ученица караагандинской школы Виколета Малташ увидела пушинистого жгута цыпленка. Девочка удивилась: дело было в том, что цыпленок, будто бы, не высиживал цыпленок... Но все же решила поискать наследу. Подивившись на переднее крыло, она услышала, что цыпленок цыпленок и увидела, после него находившуюся болезненную голубку. Но синички вы видите эту необычную наследу с другими высокими пигментами.

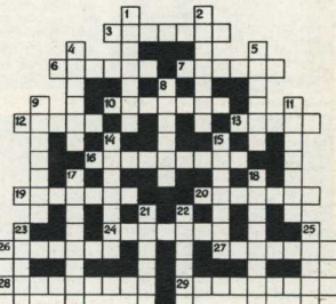
К. СЕГЛИН

г. Караганда.

КРОССВОРД

Составила Т. Богачева

По горизонтали:

3. Лягушка Мендендорфено-Симонова, сидящая и скрипящая имени Чайковского. 6. Демократический плюшевый медведь. 7. Искусственное волнение высокой пропускности. 10. Ханчжоу. 12. Индийский тигр. 13. Соленое озеро близ моря. 16. Примор для определения. 17. Город, в котором строят крупнейший завод по производству спирта. 20. Генуэзская обстановка, среда. 24. Советский атлет, чемпион мира. 25. Отметка на полях книги. 28. Болеутолчащий средство, наименование. 29. Ягоды, кустарник растущий на Дальнем Востоке.

По вертикали:

1. Синтетический плюш. 2. Символ, обображен и скрипящий имени Чайковского. 4. Первый секретарь ЦК КП Болгарии. 5. Руда для получения алмазов. 8. Неподвижная амортизирующая машина. 9. Индустриальный центр Сибири. 11. Город нефтегазов, насчитывающий легендарное количество жителей. 14. Валентин 15. Человек с очень сильным голосом. 17. Захватчик. 18. Переиздание исчезнувшего явления. 21. Стремление к гравированию. 23. Французский художник XV века. 25. Резкий взгляд.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД НАПЕЧАТАННЫЙ В № 13

По горизонтали:

9. Алисупид. 5. Эстафета. 9. Обломок. 10. Брага. 12. Уинни-Пух. 13. Лекало. 14. Спарты. 15. Сибирь. 16. Народы. 17. Обесцен. 18. Сенситивист. 23. Волнистый. 26. Орнанд. 31. Франция. 32. Бургундия. 33. Сирье. 34. Нипас. 35. Академия. 36. Озидаево.

По вертикали:

1. Адамко. 2. Баланс. 3. Авиценна. 4. Уйгурка. 5. Сукарно. 7. Акустистка. 8. Кристаллография. 9. Альбиноса. 10. Ванга. 19. Летка. 21. Евгения. 22. Чимароза. 24. Кауказ. 25. Замбези. 26. Одридиц. 27. Нионис. 30. Академия. 31. Дирида.

Редколлегия: Г. Гулин, Е. Долматовская, Н. Жуков, И. Зонов, М. Луконин, А. Ремезов.

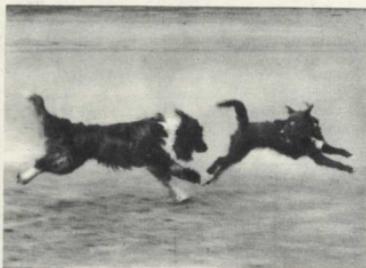
Технический редактор Е. Чуфистова

На выставке фотонскусства СССР, состоявшейся в Москве, в Центральном парке культуры и отдыха имени А. М. Горького, наряду с работами известных мастеров были представлены и работы молодых фотографов. Некоторые из них снимки мы публикуем на этой странице.

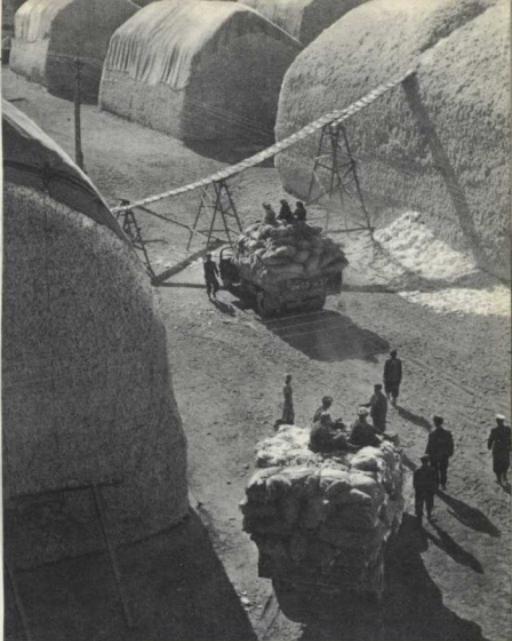

Игорь Шагин. Расставание.

Валентин Титов. Быть драке.

Игорь Кошельков. Фестивальная песня.

Ефим Дон. Урожай хлопка.

Цена номера
2 руб.

